

НОВАЯ ПРОЗА

САЖАЙТЕ, И ВЫРАСТЕТ

Андрей Рубанов

издательский дом

Выбор Сенчина

Андрей Рубанов

Сажайте, и вырастет. Роман

«Издательские решения»

Рубанов А.

Сажайте, и вырастет. Роман / А. Рубанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852680-0

Андрей Рубанов, как никто из поколения писателей нулевых подробно и со знанием дела исследует человека, который пытается заниматься делом. Бизнесом. А так как бизнес и криминал у нас до сих пор чуть ли не синонимы, то его романы отдают криминальщиной. Самым «резонансным» оказался первый — потрясающий человеческий документ в форме художественной прозы — «Сажайте, и вырастет». Это произведение должен прочитать каждый, живущий в наше непредсказуемое, подловатое, жестокое время.

ISBN 978-5-44-852680-0

© Рубанов А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	42
Глава 7	52
Глава 8	60
Глава 9	65
Глава 10	70
Глава 11	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сажайте, и вырастет Роман

Андрей Рубанов

Издательский дом «Выбор Сенчина»

© Андрей Рубанов, 2017

ISBN 978-5-4485-2680-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1

1

Они взяли меня ранним утром 15 августа 1996 года. В Москве.

Они взяли меня вдвоем. Подошли, попросили предъявить документы, вежливо повлекли в машину. Ловко и корректно, с ужимками портье открыли дверь, но запихнули внутрь уже вполне бесцеремонно.

Первый – от него пахло луком и портянками – проворно сел за руль, повернулся ко мне и произнес, сверкая зубом из дешевого желтого золота:

– Теперь говори, где тут, в вашей Москве, район Лефортово. А то мы не местные.

Я оторопел. Не понял. То есть только что пойманный преступник должен сам указывать сыщикам дорогу до тюрьмы? И потом, почему сразу в тюрьму? А доказать?

Столица Империи – особенный город. Здесь не собралась моментальная любопытствующая толпа. Граждане спешили мимо, отводя взгляды. Только один, помоложе, замедлил ход и слегка наклонил голову, чтобы рассмотреть через стекла автомобиля побледневшую физиономию арестованного человека. Но изнутри по прозрачной преграде грубо ударили ладонью:

– Давай проходи!

Любопытный юноша сильно вздрогнул и поспешил дальше, одергивая свой пиджак. Мой пиджак – стоил примерно в четырнадцать раз дороже.

– На светофоре направо, – мрачно ответил я, – и потом все время прямо, по набережной...

Так жертва подсказала палачу путь к эшафоту. Я бы наслаждался абсурдом момента, но помешал страх. Все-таки меня взяли впервые в жизни. И везли теперь как минимум на очень серьезный допрос. А как максимум – из свободы в несвободу.

Везли из мира японских компьютеров, кубинских сигар, французских коньяков, португальских портвейнов, швейцарских наручных хронометров, золотых запонок, шелестящих кондиционеров, глянцевых реклам, двухсотдолларовых парфюмов, льняных штанов, портфелей крокодиловой кожи, шелковых сорочек, гламурных журналов, пуленепробиваемых стекол, полированных лимузинов, семизначных банковских счетов – прямо туда, где дают пайку и баланду.

Впрочем, если они добрались до меня, это вовсе не значит, что они доберутся до моих денег.

Они искали меня два месяца. Подозревая в хищении миллиона американских долларов из государственной казны. И теперь поймали.

Миллиона я не крал. Я не люблю воровать и не умею. Сейчас я не терял присутствия духа. Не те времена на дворе, чтобы невиновного человека упрятали за решетку. Не те времена, господа! Вокруг меня, влекомого в Лефортовскую тюрьму, гудело и шевелилось нервное и жаркое лето девяносто шестого года. Только что, пару недель назад, страна переизбрала на новый срок своего первого Президента. Тем самым сделав выбор в пользу демократии. А в демократиях, насколько я знал, только суд может лишить свободы человека.

Утро случилось ясное и очень теплое. Долго ехали по едва проснувшемуся, постепенно нагревающемуся городу, сквозь дрожащий воздух, сквозь желтый солнечный свет, наискось бьющий меж пыльных крон придорожных деревьев. Машина, затертая в разно-

цветное автостадо, двигалась медленно; я сидел на заднем сиденье в одиночестве и легко мог выскочить на ходу; попытаться сбежать, уйти дворами, переулками; но с какой стати? Я ничего не сделал! Я все им объясню и еще до обеда вернусь в свой кабинет, где на мерцающих экранах возникают и исчезают, двигаются, шевелятся и множатся деньги.

По дороге я им нагрубил, специально. Они обратились ко мне на «ты», и я сразу высказался. Оперативники пришли в ярость и временно умолкли.

Машина долго петляла по мостовым. Наконец заехала в какие-то дворы и остановилась возле массивного здания без вывески.

– Вроде, здесь...

Один из двоих тут же повернулся ко мне и сильно ухватил согнутыми пальцами за нос. Его руки и мои ноздри из-за августовской жары были влажными от пота, поэтому жестокий приемчик удался лишь наполовину: рванувшись, я тут же спасся от захвата, однако из-за внезапной боли и унижения на глаза навернулись слезы.

– Сейчас мы с тобой войдем вон туда, – услышал я, – и там посмотрим, кто кого будет на «вы» называть!..

За массивными дверями – просторный тамбур. Затянутая металлической сеткой амбразура в стене. С той стороны с любопытством выглянул бледный функционер в серой фуражке.

– Лицом к стене! – деловито распорядился тот, кто покушался на мой нос. – Встать лицом к стене! Живо!

Он ухмыльнулся бледнолицему дежурному и кивнул в мою сторону:

– Гляди, какого Рокфеллера изловили!

Очевидно, речь шла о моем костюме. Штаны и пиджак выглядели довольно дорого, да и стоили тоже.

Повели по сложно изгибающимся коридорам. Втолкнули в комнату – просторную, но чрезвычайно душную. Здесь, сидя на стульях и столах, интенсивно курили несколько сумрачных мужчин в рубашках с закатанными рукавами. Все – старше меня и гораздо крупнее. Я почувствовал себя неуютно.

Раздались множественные хриплые возгласы.

– О! Поймали, что ли?

– А ты как думал? Всех ловили, и этого поймали, – и в мою сторону, опять: – Лицом к стене!

– Мы же его еще не смотрели, – озабоченно сказал второй из тех двоих, что меня взяли. – Вдруг у него – оружие?

– И то правда! К стене! Ноги шире! – это снова в мой адрес.

Я встал, как велели. Расставил ноги.

Стена мне не понравилась. Голая, в буграх штукатурки, в потеках старой зеленой масляной краски, она смотрелась позорно, почти непристойно. Про такую стену спеть бы «Пинк Флоиду»...

Из моих карманов – шустро, ловко их ощупывая – извлекли три мобильных телефона, паспорт, записную книжку, тяжелую связку ключей и около полукилограмма денег в двух валютах. Деньги швырнули на ближайший стол с искренним равнодушием. Но записная книжка вызвала большой профессиональный интерес. Непрерывно возбуждая себя никотином, опера бегло пролистали ценный вещдок, передавая его друг другу, а потом унесли из комнаты – очевидно, для более детального анализа координат моих друзей, знакомых, сотрудников, родственников, деловых партнеров, клиентов и всех прочих мужчин и женщин, захваченных мною в орбиту своей беспечной жизни.

– Сядь на стул!

Открылась дверь, и торопливо вошли еще двое, потом третий. Прибежали явно специально для того, чтобы взглянуть на изловленного преступника.

– Наконец-то! Если бы ты знал, Андрюха, как мы устали за тобой бегать!

Я помалкивал.

– Что ты расселся? – грянули мне прямо в лицо. – Не у себя в офисе! Пересядь сюда! К свету ближе!

Изловчившись абстрагироваться, я увидел этих людей, как забавных чудовищ. Они старались казаться страшными. Бряцали наручниками и потертыми пистолетами Макарова. Расхаживали, громко топая, отводя локти от туловища – как будто из их подмышек свисали дополнительные комплекты мужских достоинств. По одному справа и слева. Так ходят старослужащие в армии. Или ковбои в классических вестернах.

Их нерв, простой и честный, я вполне уважал. Против них я был дерьмо, щенок, мальчишка, бессовестный и лживый малый. Плохой человек. Любитель легких денег, «мерседесов» и девочек. Государство платило своим слугам плохо, и слуги испытывали классовую ненависть к малолетним нуворишам.

– С ним все ясно, – говорили они друг другу, небрежно тыкая в меня пальцами. – Он сядет надолго. И это правильно!

То есть стращали меня тюрьмой. А я к ней давно уже приготовился. Заранее. И испытывал сейчас не испуг, а скорее причудливую комбинацию восторга и ужаса.

Наиболее занятой деталью обстановки мне показались пепельницы. Это были изготовленные из спичечных коробков и аккуратно оклеенные фольгой от сигаретных пачек поделки заключенных.

Быстро выяснилось, что вся следственная бригада состояла сплошь из командированных провинциалов. Сыщиков и следователей перевели в столицу из Саранска, Пензы и Челябинска, поселили в общежитии и приказали работать. Искать виновников кражи казенных средств. Так – собрав в одну команду чужаков – милицееское руководство собиравлось исключить возможность подкупа. Ведь местные московские кадры коррумпированы. Сращены с системой родственников, друзей и выгодных знакомых. А приезжие – никого не знают, ни с кем не близки. К тому же провинциал, командированный в центр, работает как зверь – вдруг его оценят и не отпустят обратно в Пензу?

В итоге теперь я испытывал на себе всю их ксенофобию: глубокое презрение к сытому обитателю сытой столицы.

Но я не переживал: я сам приехал в этот город лишь пять лет назад – такой же, как и они, пришелец. Чужак. Гость. Сын учителя и учительницы, выросший в деревне.

Атмосфера большого мрачного здания надежно оплодотворялась тяжелой бранью. Неприхотливый крестьянский мат гудел и в коридоре, и в самом кабинете. Сленг, простой, как удар мужицкого топора о дерево, резал мой слух, заставлял напрягаться.

Темп происходящего я определил как весьма средний. Это их ошибка, зафиксировал я. Такого парня, как только что взятый подозреваемый, следует раскалывать быстро, на раз. Стоп-хлоп, и вот – клиент уже дает показания!

Но нет. Они кружили вокруг меня. Примеривались. То входили в комнату, то выходили. Один зайдет, выкрикнет грубость, пнет ногой – и убежит ретиво; второй успокаивает, вкрадчиво вопрошает, хлопает по плечу, протягивает сигаретку, но тоже уходит в какие-то смежные помещения; третий возникает энергично – совсем зверь, брызгает слюной, низко наклоняется, орет и хамит, изо рта пахнет гнилью, и я вижу, что его зубы плохие и на щеках – прыщи...

Долго, слишком долго разминали сыщики свежепойманного злодея. А надо им было сломать меня в полчаса. Гасить сразу! Сымитировать гестапо. Галстуки, белые рубахи,

умные и страшные вопросы. Лампа в лицо. Не давать времени на раздумья, на анализ событий. Кто? Где? При каких обстоятельствах? Факты! Правду! Истину! По существу дела!!!

Нет – они проиграли время, предоставили мне возможность понаблюдать, сопоставить, извлечь выводы. И уяснить, что слуги закона знают обо мне многое, но не все. И – не самое важное.

Ведь они – взяли не того парня.

2

Мне двадцать семь лет.

Я бизнесмен. Банкир. Точнее, совладелец банка. Еще точнее: младший компаньон. Я богат. И я только что арестован как расхититель государственных средств.

Мой банк – очень маленький, мало кому известный, однако, что важно, вполне самостоятельный и устойчивый. Кроме того, что еще более важно, быстро растущий. Он, этот банк, возник из ничего в каких-нибудь три года. Мой банк. Мой ребенок, мое детище, смысл всей моей жизни, пожиратель моего времени и нервов, источник баснословных доходов. Его название не пишут на рекламных щитах, не произносят с телеэкранов большеротые девочки-модели. И слава Богу.

Правда, хозяин всего бизнеса, основатель конторы, фигура номер один – не я, а другой человек. Мой старший товарищ, босс, шеф, начальник. Мороз Михаил Николаевич.

О транзите проклятого миллиона договаривался именно он. Я же – всего лишь подчиненный. Клерк. Технический исполнитель. Мне сказали, и я сделал. Осуществил волю босса.

Шефа-начальника Михаила тоже взяли. Сегодня. Спустя полчаса после меня. Возле дверей нашей с ним конторы. Я понял это из обрывков разговоров. Но босса отпустят. А моя задача – сделать все, все, все для того, чтобы его отпустили обязательно. Вину – взять на себя.

Арест, допросы, возможное тюремное заключение – часть моей работы. Эту работу, как и любую другую, я выполняю качественно. За выполнение задачи мой босс мне платит. Он уже заплатил мне круглую сумму. И заплатит еще. Босс Михаил много богаче меня, он миллионер, долларовый, и услуги такого специалиста, как я, ему вполне по карману.

Однажды, три года назад, мы с Михаилом познакомились, поговорили – и сошлись во взглядах на жизнь и ее ценности. Стали работать вместе. К обоюдной выгоде. Босс Михаил искал и успешно находил клиентов: людей, желающих укрыть свои деньги от налогов. А я – помогал. Прикрывал спину. Заботился о деталях. И готовился к тому, чтобы однажды, когда наступит время, ответить перед законом по всей строгости. Ведь неуплата податей в государственную казну – уголовное преступление.

Что мне грозило в случае поимки, краха? Три года – за неуплату, год или два за подделку документов. Но я – не люмпен. Ранее не судим. Хорошая биография. Семья, маленький ребенок. При удачном стечении обстоятельств я вообще способен отделаться условным наказанием. А это сущий пустяк. Ради денег люди идут и не на такое.

Возможно, когда-то, много лет назад, я принимал решения слишком поспешно, мыслил чересчур цинично, переоценил свою отвагу. Но теперь об этом глупо вспоминать. Я давно в бизнесе и уже увяз. А он, бизнес, не признает Уголовного кодекса.

Обвинение в казнокрадстве, конечно, отпадет, и очень быстро. Ведь ни я, ни мой босс ничего не похитили. Давайте представим, что один покупает у другого нечто. Переводит деньги. Получает товар – и исчезает. Через год выясняется, что перечисленные деньги – краденые. Покупатель об этом умолчал. Теперь он в бегах. Продавца же – арестовывают как соучастника.

Конечно, некоторых может смутить то обстоятельство, что проданный товар в действительности выглядел несколько необычно: как зеленые пачки наличных долларов. То есть я попросту обналичил банковский перевод. Но сути это не меняет. Я готов по всей стро-

гости закона ответить за то, что провернул запрещенную сделку, отоварил злодеев бумажными банкнотами, нарушив при этом финансовое, валютное и налоговое законодательство. Но превратить меня в расхитителя казны я не позволю.

Я не более аморален, чем сто тысяч других таких же, как я, молодых людей, упорно вращающих колеса своих коммерций в тесноте и духоте московских офисов и контор. Легко нарушая глупые и устаревшие государственные правила игры в бизнес, они никогда не пойдут на явное воровство. Они не желают брать чужое – им важно заработать свое.

Я вам не какой-нибудь гад, мечтающий урвать куш и прожечь его по злочным хатам. Я капиталист, ясно вам? Я верю в силу наличных денег, как верят дети в Санта-Клауса.

3

Сумбурно излагая такие свои доводы в сторону возбужденных сыщиков, я заметил, что все они чего-то ждут. То смеясь надо мной, то оскорбляя; то внимательно слушая, то обрывая на полуслове; то подшучивая почти по-приятельски, то ударяя ногой по ножке моего стула; то похлопывая по плечу, то изрыгая проклятия, – эти вооруженные люди в дешевых растоптанных туфлях не спешили, однако, составлять протоколы, описи и прочие зловещие бумаги. Должно прибыть начальство, догадался я.

Арест состоялся около восьми часов утра. Сейчас на моих золотых «Лонжинах» – почти десять. Самое время появиться людям, от которых все зависит, – вышестоящим руководителям.

Наконец где-то вдалеке тяжело затопали, скомандовали «смирно!», потом – тоном ниже – «вольно!». За стеной, в коридоре, возникли и быстро приблизились многие возбужденные, переплетающиеся голоса.

– Генерал приехал, – сказал в пространство один из оперативников и притушил сигарету.

Вошедший – энергичным твердым шагом – пожилой человек немедленно вызвал во мне симпатию. Его пиджак и галстук, холодный взгляд прозрачных глаз, седина в волосах, жестко изогнутые сухие губы, отменно слепленные кисти рук, особая сановная сутуловатость – все указывало на то, что он принадлежит к касте хозяев жизни. Опера тут же подобрались, приняли менее небрежные позы и чутко замерли. Один из них – тот, кто кричал и грубил больше других, – проворно перетащил стул от стены в центр комнаты, и высокопоставленный дядя медленно сел, закинув ногу на ногу и выставив на всеобщее обозрение превосходные летние туфли светлой замши (мои туфли стоили минимум вдвое дороже). Затем он пошевелил пальцами, и все, кроме меня, молча вышли из комнаты; последний аккуратно прикрыл за собой дверь.

Большой милицейский папа был свеж, как смородиновый куст в утренней росе. Благоухал одеколоном. И этим разительно отличался от своих подчиненных, распространявших вокруг себя запахи крепкого мужского пота и гуталина. Не иначе, генерал примчался на службу – прямо сквозь душный, влажный московский август – в кондиционированном автомобиле, заключил я. Стало быть, вкус комфорта знает. И это хорошо. На этой почве мы можем сойтись. Я тоже люблю и понимаю удовольствия жизни. Не предложить ли ему сразу денег, с ходу, пока мы одни? Нет – рано. Следует выслушать сначала все, что он скажет. Возможно, меня отпустят и без взятки. Такой взрослый, солидный, разумный на вид и явно очень опытный человек не может не понимать, что я ничего не крал...

Генерал неторопливо закурил. Сквозь завесу табачного дыма я был медленно, очень внимательно изучен. Особенно пристально и долго седой начальник смотрел на мой лоб, словно силясь что-то там прочесть.

– Дружок, – наконец негромко, приятным баритоном произнес хозяин жизни, – ты в беде. Ты попал в страшное дерьмо. Одно твое неверное слово – и ты у меня будешь сидеть вечно. Ты меня понял?

– Да, – ответил я и отважился противостоять милицейскому папе взглядом. Но не сумел.

– Дело ведет Генеральная прокуратура страны, – тихо просветил меня генерал. – О ходе следствия я каждый день докладываю в Правительство. Это ты тоже понял?

– Да...

– Вот и хорошо, – доброжелательно кивнул седовласый и сменил ногу. – Деньги, само собой, украл не ты. Украл – крупный чин, сотрудник администрации. Министр.

Не федеральный, конечно. Республиканский. Из провинции. Но – все равно министр! Он вступил в сговор со своим братом, а тот – с торговцем медикаментами. Была выделена огромная сумма. Якобы для закупок. А вот аптекарь вступил в сговор уже с тобой. Правильно?

– Нет! – с жаром возразил я. – Неправильно! Аптекарь – был, но сговора – не было!

Генерал прищурил глаз.

Вдруг мне снова показалось, что он пытается что-то прочесть повыше моей переносицы – некую надпись на лбу подследственного, сокрытую еще минуту назад, но проступившую теперь ярко и крупно.

– Значит, к тебе приходил именно аптекарь?

– Да, – тихо, после паузы, признался я. Только приходил он не ко мне.

4

Выдав генералу по первому требованию самый важный кусок информации – назвав имя, *расколовшись* – я не испытывал никаких уколов совести. Человек, только что поименованный как «аптекарь», подставил и меня, и моего босса, и наш бизнес. Втянул в беду. Прислал *грязные* деньги. Чего ради его покрывать?

Я видел аптекаря всего дважды. В первый раз – познакомился: пожатие рук, улыбка, обмен дежурными любезностями. Во второй раз – выдал миллион американских долларов наличными. Остальные вопросы улаживал и утрясал босс Михаил.

Вообще, молчать – не моя задача. Я могу говорить или не говорить, но при этом обязан добиться своей цели. Как можно дальше увести всех этих сыщиков, оперативников, следователей, дознавателей и генералов от простого вопроса: кто именно является главой моего бизнеса.

5

Большой папа вновь окутался желтовато-серым дымом. Его взгляд отяжелел, и от этого взгляда я почувствовал себя скверно – едва не запаниковал. Чувство показалось абсолютно новым. Впервые – на двадцать восьмом году жизни – мне довелось вкушать настоящего, сильного, искреннего человеческого презрения.

До сих пор я вызывал в людях совсем другие эмоции – главным образом положительные. Интерес. Уважение. Иногда – зависть. Со мной хотели дружить. Брали с меня пример. Сначала в школе. Затем – в университете. Еще – в армии. И в редакции многотиражной газеты. И, конечно, в банке.

Год за годом, с самого детства, я непрерывно получал доказательства того, что я – один из лучших, что я необходим человечеству, как воздух. А теперь пожилой дядя, окруженный аурой могущества, дал мне понять, что все не так.

Не злоба читалась в его глазах – тогда бы они сверкнули. И не отвращение – тогда бы его лицо исказила гримаса. Нет, я ощутил презрение в чистом виде. Откровенное, как порнофильм.

Здесь и началась моя тюрьма, состоялся мгновенный переход из одной жизни в другую. Генерал посадил меня за решетку одним взглядом. В тот миг, когда он только вошел, и сел на стул, и закурил, и начал говорить – я был еще свободным человеком, взятым по недоразумению. Теперь, впитав вражду высокопоставленного, я осознал, что влип, и после разговора с седым милицейским бонзой отправлюсь не в офис и не домой к жене, а – в камеру.

– Думай, – прокрипел мой собеседник неожиданно старческим голосом. – Сесть можешь надолго. И Миша твой – тоже.

Я похолодел. У генерала и его отряда имелись все шансы, чтобы посадить меня. Но босса Михаила Николаевича, или просто Мишу Мороза, мне следует сберечь во что бы то ни стало!

Мы договорились с боссом Михаилом заблаговременно. О том, что на следствии – если до него дойдет – я сразу твердо объявляю шефом лавочки именно себя. А босс – остается ни при чем, спасает и бережет капиталы и пускает эти капиталы на то, чтобы мое наказание стало максимально мягким. Чтобы я был освобожден, либо сидел недолго и с полным комфортом. То есть я берегу его свободу и безопасность, а он бережет мои деньги. Красиво, просто, эффективно.

Да! Я гордился тем, что я и босс Михаил все заранее предусмотрели. Четко, вдумчиво распределили роли. Это признак высокой организации нашего дела, а оно того стоило, оно принесло нам двоим за три года упорной работы целое состояние.

Но если мне не удастся отмазать босса – тогда мы пропали, оба.

Я ощутил сильную, неприятную дрожь в коленях и руках и нарушил паузу:

– Извините, вас как...

– Генерал Зуев!

– Товарищ генерал! – немедленно вскричал я, произнося всемирно известное волшебное слово «товарищ» быстро, одним звуком, проглотив его середину – так говорят те, кто служил срочную службу, кому по многу раз в день приходилось выговаривать: «товарищ лейтенант!», «товарищ майор!», «товарищ прапорщик!».

Только носивший за спиной автомат, а на плечах – погоны, способен выстреливать из себя короткое, энергичное «товарищ», одновременно сообщая звукам голоса нужный пие-тет к старшему по званию.

– Товарищ генерал! Все это смешно! Я не крал денег! Мне это не надо! Мне есть чем кормить жену и сына! Я внесу штраф... Любой...

Так в одной поспешной фразе мне удалось сообщить папе Зуеву, что перед ним человек, служивший в армии (а значит, не рафинированный чистоплюй), что этот человек семейный (то есть стабильный и осторожный) и что он готов за свою свободу заплатить.

– Говори, говори, – разрешил генерал, наблюдая за мной с интересом.

Я приободрился.

– Ведь этот... которого вы называете «аптекарь»... он ничего мне не сказал про то, что его деньги – краденые!

– Конечно, не сказал, – великодушно согласился седовласый бонза. – А зачем?

– Значит, вы понимаете, что я невиновен?! – счастливо возопил я.

– Там видно будет... Цена вопроса выражалась в многих годах лишения свободы. За занятия незаконными финансовыми операциями мне грозило три года *условно*, но вот за воровство миллиардов из федерального бюджета – десять лет *реально*. Я задрожал еще больше.

– Вижу, ты хороший парень, – одобрил меня генерал и закурил третью за десять минут сигарету. – Сделаем так. Сейчас придет следователь. Продиктуешь ему показания. Подробно. Кто, как, когда, с кем и прочее. Следователь все запишет. На основании протокола допроса я, как руководитель бригады, приму решение о твоей дальнейшей судьбе. Ясно?

– В общем, да.

– «В общем»... – брезгливо передразнил генерал. – Не делай глупостей, сынок! Малейший намек на вранье, на обман – и тебе конец. Совсем. Сгинешь без следа. Будешь сидеть всю жизнь. И не забудь подписать протокол...

– Протокол? – переспросил я, немного помолчав. – Без проблем. Но мне понадобится адвокат.

– Он уже тебя ждет, – сурово ответил генерал Зуев. – Повторяю: не вздумай соврать, ни в одном слове!

– Обещаю, – соврал я.

Глава 2

1

Грубый оперативник, давеча подставлявший под генерала стул, больно стиснул мой локоть крепкими, как железо, пальцами и вывел в коридор.

На полу, на затоптанном линолеуме, я увидел несколько объемистых картонных коробок, доверху набитых пачками всевозможных документов и компьютерными дискетами. И то и другое еще вчера принадлежало лично мне и хранилось в моем кабинете. В офисе.

Обыск, понял я. Все изъято! Однако сыскари-матерщинники, надо отдать им должное, действуют быстро... Стало быть, офиса больше нет. Он разорен. Документы вывезены. Компьютеры опечатаны. Сотрудники – в шоке. Без сомнения, все допрошены. Работа фирмы парализована. Убытки гарантированы.

Я представил себе своих помощников, менеджеров Семена и Сергея, тихих компьютерных мальчишек, стоящими лицом к стене, руки и ноги шире плеч, – и понял, что происходит что-то очень плохое. Какая-то безоговорочная гадость. Когда все успокоится и меня отпустят, мне придется потратить многие недели для того, чтобы все восстановить... А кто оплатит ущерб? Разве можно так бесцеремонно бомбить рабочее место делового человека? Безобразия! Я буду жаловаться...

Тебя, испуганного, но бодрящегося, привозят в следственный корпус Лефортовской тюрьмы, а там ты вдруг видишь свои бумаги. Документы, собственноручно тобой изготовленные и подписанные. В твое отсутствие, без твоего разрешения они собраны каким-то внимательным человеком в аккуратные коробочки для всестороннего изучения. Странные чувства посетят тебя. Ты ощутишь, что какой-то важный период твоей жизни здесь кончается; и в этот же кратчайший пограничный миг стартует другой, столь же важный виток судьбы; перелистывается страница; где счастливец, которому так долго везло? Исчез и больше не вернется.

Я едва успел бросить на свое имущество печальный взгляд, как железные пальцы потянули меня дальше – через дверь, раскрытую сильным толчком руки, в бедно обставленную комнату, насквозь пробитую лучами солнца. Несмотря на яркий свет, помещение показалось мне невыносимо мрачным. Таким, где хорошо чистосердечно признаться в разнообразных правонарушениях, а потом уйти и забыть про все произошедшее, как про страшный сон.

Сощурившись, я увидел двух страдающих от жары мужчин. Оба мгновенно повернули в мою сторону влажные лица. Один из них был мой адвокат Максим Штейн – склонный к полноте молодой человек с огненно-рыжей шевелюрой и водянистыми глазами, выражающими полное отсутствие каких бы то ни было признаков совести.

2

До сегодняшнего дня я видел адвоката лишь однажды – в момент знакомства. Тогда сидели втроем, в конторе; был еще босс Михаил. Собственно, он и организовал встречу.

Всякий серьезный банкир всегда готов купить – и покупает – информацию о себе. Он не ищет специально: осведомленные люди в нужный момент появляются сами, чтобы сообщить о предполагаемых милицейских акциях. За вознаграждение.

Так что босс узнал о том, что его младшего компаньона ищет прокуратура, заблаговременно. И срочно подыскал опытного защитника. И устроил совещание, втроем.

Несмотря на примерно одинаковый возраст и происхождение – всем троим около тридцати, все трое интеллигенты, – собеседники вели себя разное. Банкиры страдали нервным

тиком: я дергал щекой, Михаил – плечом и челюстью; оба часто курили, морщили лбы и излишне аффектированно теребили в руках дорогостоящие зажигалки и авторучки. Ребята с большими деньгами и большими проблемами.

Адвокат, напротив, держал себя чрезвычайно благодушно и часто раздвигал в осторожной улыбке пухлые щеки человека, никогда не переживающего по пустякам.

– Это Андрей, – сказал Михаил, указав на меня массивным квадратным подбородком. – Моя, типа, правая рука. И левая. Скорее даже левая, учитывая, типа, круг его задач. Но и правая тоже...

– Я понял, понял, – поспешно кивнул Рыжий, поправляя отменно завязанный узел дорогостоящего галстука. Мой галстук стоил минимум втрое больше.

Босс поморщился. Он совершенно не выносил, если его перебивали. Общение Михаила с окружающими происходило всегда в форме монологов (на то он и босс). Монологи начинались всегда трудно, косноязычно. Однако по мере того, как мысль хозяина разгонялась, произносимые фразы становились все круглее и четче.

– Как только его возьмут, – Михаил повторно двинул в мою сторону подбородком, – вы приступите к работе. Начнете, типа, действовать. Не стеснясь в средствах. Говоря о средствах, я имею в виду как непосредственно наличное бабло, так и те поступки, которые вы предпримете для скорейшего освобождения моего человека из-под стражи. Подчеркиваю особо: вы обязаны будете предпринять *все* меры! – Босс значительно повысил голос и перечислил: – Жалобы!.. Ходатайства!.. Звонки из высоких административных кабинетов!.. Газетные статьи!.. Репортеры с телекамерами!.. И так далее, вплоть до уличных манифестаций с плакатами и скандированием лозунгов...

Рыжий бросил на меня заинтересованный взгляд. Что за мальчонка такой, если ради него следует расшибиться в лепешку? Его любопытство, острое, с оттенком зоологии, я запомнил. Так боязливо, но и почти восторженно смотрят посетители зоопарка на маленького зверя, энергично расхаживающего по своей тесной клетке и бьющего направо и налево сильным хвостом.

– А вы уверены, – спросил адвокат, – что его возьмут?

– Я сам видел копию постановления о задержании, – буркнул Михаил. – Своими глазами.

Рыжий помолчал.

– Может быть, все обойдется?

Босс засопел. Он имел значительный недостаток: считал себя умнее всех остальных шести – или сколько их там есть – миллиардов человеческих существ. Он поджал бледные губы и попросил:

– Не надо успокаивать. Не надо успокаивать! Я окончил Московский университет. У меня диплом психолога. Я год работал на «телефоне доверия». Успокаивал, типа, самоубийц...

Адвокат опустил глаза.

– Если бы я... типа, хотел себя успокоить, – продолжал давить босс, – я бы сам себя успокоил! Вы, Максим, успокаивайте лучше его. – Новый кивок в мою сторону.

Я вдруг ощутил раздражение. Обо мне в моем присутствии говорили, как будто меня здесь не было.

– Это он, – тихо сообщил босс, – курировал всю сделку с тухлым миллионом... Он готовил и подписывал контракты и прочие бумажки... Прокуратура хочет главным образом его, а никак не меня. Я – совершенно чистый. Официально в этой фирме я – никто. А он – замазан, и очень круто...

Максим Штейн вдруг продемонстрировал решительность. Он встал и застегнул пуговицы.

– Я немедленно наведу справки о вашем деле, – сухо произнес он. – У меня тоже есть связи. Я посоветуюсь со старшими коллегами. Посмотрю литературу. Сегодня же вечером я буду готов к повторному, более детальному разговору. А сейчас позвольте откланяться...

– Думать побежал, – предположил я, когда рыжий юрист вышел, с усилием закрыв за собой стальную дверь.

– Да, – согласился Михаил. – Типа, испугался...

– Не надо было разговаривать *здесь*...

В нашем подвале были ободранные стены и щербатый пол, мебель – дешевая и потерянная. Но у стены в ряд стояли четыре новейшие купюросчетные машины «Магнер», заботливо укрытые пластиковыми колпаками, у второй стены – две машины для уничтожения бумаг. Каждая в секунду рубила в мелкое конфетти воскресный выпуск газеты «Коммерсант» (я проверял). Рядом с дверью помаргивали два огромных монитора со свитчерами на шестнадцать видеокамер наружного наблюдения. Стальная дверь, укрепленная по периметру титановой рейкой, весила двести пятьдесят килограммов. Противу двери покоился сейф, весивший в три раза больше. Его втаскивали сюда четверо грузчиков на специальной тележке с гидравлическим приводом. Вся операция стоила, как три пары моих ботинок. Ведь людям потом пришлось приплатить, чтобы они помалкивали.

Попав в такое место и услышав разговоры о краденном миллионе, даже сведущий человек, даже уголовный адвокат – если не испугается, то задумается. Может, не стоит рисковать?

– По-моему, он так и не понял, кто я такой. Босс хмыкнул:

– А ты сам-то понимаешь, кто ты такой?

– Конечно! Я – молодой и перспективный российский предприниматель. Финансист. А еще – махинатор. Кроме того, я тот, кто прикрывает твой зад.

Михаил смотрел на меня без улыбки. Мы были друзьями, но наша дружба развивалась как отношения людей умных и серьезных. Панибратство исключалось. Особенно на работе.

– Хорошо, – кивнул босс. – Когда будешь объясняться в милиции, не говори, что ты махинатор. И про мой зад тоже не говори. Сосредоточься на том, что ты финансист и этот... как его... молодой и начинающий.

– Перспективный! – поправил я.

– Да, и это скажи тоже.

Так мы шутили между собой в середине лета девяносто шестого года, когда уже знали, что за нами ведется охота.

Вот простая история. Двое юношей, незнакомые друг с другом, приехали в главный город страны – учиться. Обоим повезло. Они стали студентами лучшего в мире университета. Однако в последние десять лет тысячелетия все в стране перевернулось. Некогда престижные гуманитарные профессии – психолог, журналист – теперь не гарантировали не то что материального достатка, но даже и куска хлеба на столе. Со свойственной обоим решительностью молодые люди бросили работу по специальности. Стали искать новые точки для приложения сил.

А как иначе? Еще вчера ты был старшекурсник, спортсмен, эрудит и весельчак, приятель красивой девушки с пушистыми волосами, а сегодня какой-то стриженный мерзавец сажает твою подругу в машину с тонированными стеклами и увозит в ресторан.

В общем, обогащаться хотелось больше, чем совокупляться. Притом что первое гарантировало второе.

В ходе жесточайшей пьянки – ее назвать бы студенческой, только почти все ее участники собирались бросать учебу – двое парней, Михаил и Андрей, рассказали друг другу похожие истории о своих девушках, переметнувшихся к стриженным тонированным соперникам. Возникла симпатия. Михаил показался Андрею очень желчным, но Андрей отнес недостаток на счет возраста. Его новый приятель был старше. В двадцать два года еще можно

не иметь доходной профессии, статуса и приличных брюк, но в двадцать шесть – уже кошки скребут. Кто я? Кем я стал? Что я сделал? Проклятые вопросы, безжалостные лезвия, ранящие молодое самолюбие.

Андрей понял Михаила, а Михаил – Андрея. И тот и другой желали от жизни лучшей доли, адекватной вложенным усилиям, энергии, таланту.

Чего хотели Андрей и Михаил?

Чего мы все – студенты, молодые люди с блестящими дипломами и дырками в заносенных свитерах – хотели тогда, в девяносто первом?

Всего, и немедленно.

Успеха. Победы. Движения вверх. Непрерывной личной экспансии. Абсолютной самореализации. Чести. Славы. Статуса. И денег.

Хотелось прогреметь. Осчастливить человечество. Усовершенствовать Вселенную. Конвертировать личный гений в его доказательства. Вычислить секретную формулу, гарантирующую счастье всех людей. Получить за это Нобеля, Оскара, Букера, Пулитцера. И денег.

Хотелось женщин, автомобилей, коньяков. Хотелось приключений, драк, путешествий по краю. Риска. Хитрого маневра. Удачи. И денег.

Хотелось положить всю планету перед собой, словно горячий кровавый бифштекс, раззать и сожрать.

Запить вином.

Кто не был в двадцать лет мегаломаньяком, хотя бы чуть-чуть, – тот в тридцать никем не станет.

А дальше мы не загадывали.

Гоп-команда полудиких провинциалов, мы почти покорили столицу – с разгона поступили в лучший университет. Ясно, что дальше будет так же. Вверх и только вверх! Карабкаться, не сомневаться, не останавливаться. Не лениться, не спать, не тормозить...

Ни Андрей, ни Михаил – несмотря на дипломы, тренированные интеллекты и тела – понятия не имели о том, что и как делать. Но однажды Михаил придумал.

Позвав в напарники Андрея, он стал покупать и продавать деньги.

Три года упорной работы ушло на то, чтобы наладить бизнес и приобрести опыт.

Вот что-то стало получаться. Вот грянула первая прибыль. Вот все увеличилось. Вот сменился круг общения, выросли запросы; вот дорогие наручные хронометры украсили запястья; вот прибыли стали сверхприбылями, и лучшие туалетные воды оросили острые кадыки; и показалось – ВСЕ ВОЗМОЖНО; и отошло на задний план все, кроме денег, – свободное время, жены и дети, друзья, отдых, здоровье, интересы, хобби, а деньги в ответ благодарно приумножались, росли, разбухали – оставалось лишь неотлучно находиться рядом, чтобы проверять и контролировать...

Теперь налаженный бизнес мог рухнуть, пойти прахом. Что еще оставалось делать Михаилу и Андрею? Только мрачно шутить.

3

...Второй человек, находившийся в комнате для допросов, с расстояния в четыре шага выглядел, как начинающий пенсионер. Его одежда состояла из тяжелой клетчатой рубахи и брюк – сильно потертых, но вполне чистых и тщательно выглаженных. Лоб пересекали глубокие продольные морщины. На носу прочно сидели массивные, в черной оправе, очки с большими диоптриями.

Однако, подойдя ближе, я увидел, что морщинистому очкарику от силы лет сорок, а преждевременное увядание кожи лица вызвано, очевидно, сидячим образом жизни.

На столе перед «клетчатым» незнакомцем располагался переносной компьютер, рядом – портативный принтер со вставленным уже в него листом бумаги. Меж двумя механизмами невинно покоилась тощенькая папочка-скоросшиватель, светло-серая, слегка захватанная по краям пальцами.

Четыре жирные черные буквы на картоне образовывали короткую зловещую комбинацию:

ДЕЛО

Далее следовал номер из многих цифр. Я полез в карман, извлек платок и вытер обильно выступивший на лбу пот.

– О! Привет! – дружелюбно, ровным голосом произнес преждевременно увядший, нацеливая на меня свои стекла. – Ты, я так понимаю, Андрей, да?

Я осторожно кивнул.

– А я – следователь Генеральной, это самое, прокуратуры. Твой.

– Мой? – переспросил я.

– Да, твой. Меня зовут Степан Михайлович. Фамилия – Хватов. Я буду с тобой работать.

Хватов, с горечью сказал я себе. Отлично. Вот это да. Значит, Хватов. У тебя были свой водитель и свой массажист, а теперь есть и свой следователь. И зовут его – Хватов.

Кого же хватал твой далекий предок, уважаемый Хватов? Не иначе таких, как я.

– А с ним не надо работать, – как бы небрежно, но решительно высказался адвокат, ободряюще мне подмигнув. – Его нужно допросить и отпустить! Вот и все! Давайте начнем, чтобы человек не терял время! У него – бизнес! Много дел! Он и так упустил из-за вас почти полдня!

– Не возражаю, – мгновенно ответил очкарик и сделал в мою сторону приглашающий жест. – Присаживайся...

Он указал на табурет, мертво укрепленный возле стола, и я сел. Боком.

Всякий банкир знает, что на допросе приходится сидеть в профиль к начальнику. Это – психологический прием. Клиента усаживают боком, ему неудобно, он вынужден двигаться, скручивать корпус, ему труднее сосредоточиться и, соответственно, обмануть следствие.

А я – сидя в бедно обставленной, но с высоким потолком комнате, за коричневым, во многих местах поцарапанным столом, ерзая своим тощим, однако твердым задом по вделанному в пол табурету, перед следователем Генеральной прокуратуры, в кабинете для допросов Лефортовского изолятора – я задумал соврать.

– Жарко в вашей Москве, – неожиданно пожаловался следователь. – И шумно. Очень...

– Москва не моя, – заявил я резко. – У меня и регистрации нет...

– А вы, – Хватов обратил стекла в сторону адвоката, – тоже не местный?

Рыжий лоер с достоинством пожал плечами.

– Почему же? Коренной. В третьем поколении.

– Как же ты, это самое, живешь здесь без прописки? – удивился Клетчатый, снова переводя на меня окуляры. – У тебя что, не проверяли документы?

– Много раз, – мирно ответил я. – Но я даю денег, и меня отпускают. Я не жадный. Всегда плачу по таксе. А москвичей, как и вы, не люблю... Откуда будете, Степан Михайлович?

– Из Рязани.

– Вот это да! – воскликнул я. – Из Рязани! Да мы – почти земляки!

Следователь недоверчиво прищурился.

– Земляки?

– Практически да. Серебряно-Прудский район, – отрекомендовался я. – Самый юг Московской области. Раньше входил в состав Рязанской области. Там я вырос...

Сообщив морщинистому человеку, что мы оба с ним приходим из одной социальной группы – провинциалов, – я рассчитывал на его симпатию и, видимо, не ошибся. Теперь не только генерал Зуев, но и следователь ясно понял, что за свою свободу я готов платить. По таксе. Одержав первую маленькую победу, я закурил.

– Начальство сказало, – Хватов аккуратно двинул в мою сторону картонную пепельницу, в точности такую же, какие я видел в соседнем кабинете, – что ты готов, это самое, дать показания...

– Совершенно верно, – поспешно ответил я, стряхивая пепел облепченной ментоловой сигаретки. – Правдивые и исчерпывающие! Даю показания – и сразу же покидаю ваше жуткое заведение.

– Это тебе генерал пообещал? – осторожно спросил Клетчатый.

– Лично!

Следователь задумался. Открыл ДЕЛО, заглянул, перелистал несколько страниц, постучал пальцами по кнопкам клавиатуры и вздохнул.

– Ясно. Что же, начнем. От твоих, это самое, показаний зависит многое... Ты ведь у нас, это самое, подозреваемый. Будешь крутить и врать – мы тебя посадим в камеру...

– Одну минутку! – вскочив со стула, рванулся в бой Рыжий. – В какую такую камеру? Это психологическое давление! Угроза! Мой клиент – честный человек! Он платит налоги! Он создает рабочие места! Он банкир! А банки – кровеносная система экономики! После допроса он пойдет домой в любом случае!

Хватов улыбнулся.

– А если он, это самое, чистосердечно сознается?

– В чем?!! – одновременно выкрикнули я и адвокат.

– В хищении.

– Его не было!!!

– Было, – возразил рязанский дядя и снова направил стекла в мою сторону. – Украденные деньги прошли, это самое, через организацию, подконтрольную тебе лично, Андрей. У нас собрана, это самое, доказательная база. Платежные поручения. Банковские выписки. Другие бумаги. На документах – твоя подпись...

– Покажите! – грубо потребовал Рыжий. Следователь поморщился.

– В свое время мы, это самое, предъявим вам все бумаги... Установленным порядком.

– А чего тянуть? Давайте решим проблему прямо сейчас! – Адвокат опять сел. Он улыбался, но произносил слова с большим нажимом. – Мне и моему клиенту совершенно ясно, что произошло какое-то недоразумение. Разрешим его, пожмем друг другу руки и разойдемся!

«Хорошо работает, – мысленно похвалил я Максима, а заодно и своего дальновидного босса, подыскавшего для меня не убежденного сединой старика, но энергичного парня, делающего свое дело резко, с драйвом. – Однако дела мои плохи. Ведь я не самый законопослушный гражданин. У меня рыло в пуху. Я много раз проворачивал незаконные финансовые сделки. Фабриковал чужие подписи. Изготавливал фиктивные бумаги. Вовлек в это неблаговидное занятие множество других людей. Рязанский дядя в мощных очках не выглядит профаном. Он в два счета пришлет мне неуплату налогов, подделку документов и, возможно, что-нибудь еще...»

Вдруг что-то стало быстро остывать в моей груди, сжало и укололо. Задорого купленный пиджачок не согрел, и эксклюзивная рубашка жатого шелка не сдержала рвущийся из-под ворота запах телесной влаги. Тоска и стыд оказались слишком сильны – мне захотелось сейчас же встать и убежать из этого страшного места. И никогда не нарушать закон. Работать за твердый оклад, воспитывать сына, быть веселым и спокойным, навсегда забыть о често-

любивых мечтах и не смотреть по сторонам – чтобы не увидеть тех, кто сумел удовлетворить свое честолюбие...

Но моему покаению нехватало энергетики. Все иссякло в несколько мгновений. Я стиснул зубы, еще раз отер скомканным платком взмокшую напряженную физиономию и заставил себя вспомнить, что главное в моей жизни сейчас – деньги.

«А ну-ка, говнюк, успокойся, – мысленно велел я себе. – Изобрази улыбку, не затягивайся так жадно сигаретой. И сядь ровно!»

– Знаете, гражданин следователь, – спросил я, – каково главное условие хорошей работы мозга?

– Нет, – осторожно ответил Хватов, – и какое же?

– Прямой позвоночник.

Следователь непроизвольно выпрямил спину и развернул плечи.

Такова моя любимая шутка; домашняя заготовка; она всегда помогала мне установить контроль над разговором и даже слегка подавить психику собеседника, кто бы он ни был. То, что прием сработал даже сейчас, на допросе, в легендарной и страшной Лефортовской тюрьме, почти развеселило меня и придало мне сил.

– Как построим, это самое, разговор? – спросил Хватов после маленькой паузы. – Как будешь давать показания? В форме вопросов и ответов?

– Надо подумать, – ответил я.

– Думай, – разрешил следователь и застучал пальцами по клавиатуре. – Только недолго. А пока уточним, это самое, твою биографию...

Двадцать семь лет моей жизни уместились в пять минут. Родился. Окончил школу. Работал на стройке. Поступил в университет. Отслужил срочную службу. Бросил университет. Женился. Занялся коммерцией. В качестве поля для бизнеса выбрал финансовый рынок...

Наконец, настал момент, когда я должен был упомянуть босса. Ведь именно Миша Мороз привел меня на упомянутый финансовый рынок, будь он неладен. Это босс Михаил научил всему. Показал, что и как делать.

Растолковал правила. Взял в совладельцы выгодного предприятия. Ссудил деньгами. Превратил из нищего недотыкомки в блестящего столичного яппи.

Я напрягся. В горле пересохло. Мелко задрожали тонкие мышцы внизу живота. Так тело протестовало против осуществляющегося обмана. Включило защитный механизм. Мне пришлось призвать на помощь все самообладание.

Каждому моменту истины соответствует свой момент лжи. Критическая точка. Порог, который надо перешагнуть. И я шагнул. Умолчал о человеке, который сейчас должен сидеть, боком, на твердом табурете – вместо меня.

– В тысяча девятьсот девяносто третьем году мною, – я прокашлялся и глубоко затянулся гадким дымом, – мною, значит... мною... была учреждена финансовая компания. Она... занималась операциями на фондовом рынке. Сейчас, спустя три года, эта компания находится в стадии реорганизации. Превращения в полноценный коммерческий банк...

– Вы, это самое, его единоличный владелец?

– Естественно, – вальяжно бросил я и снова глотнул дыма.

– А какие функции, – монотонно пробубнил Клетчатый, – выполняет, это самое, в вашей структуре Михаил Мороз?

Тут мне удалось очень натурально поднять брови. Я повернулся к адвокату. Тот превосходно подыграл: тоже недоуменно пожал плечами.

– А он-то здесь при чем? – спросил я.

На свете нет ничего гаже и отвратительнее сознательного вранья, и сначала я чувствовал себя скованно. Боялся, что задрожат руки или пот потечет по вискам. Однако в кабинете

стояла такая духота, что все трое – и я, и Рыжий, и морщинистый уроженец Рязани – обильно потели, сжимали в ладонях платки,тирали ими взмокшие лбы и шеи и отдувались. Я спасся этим – замаскировал нарастающее волнение мелкими движениями рук, скомкал в кулаке влажный кусок ткани, раздавил сигарету о дно пепельницы, взял из пачки новую, закурил и обменялся красноречивыми взглядами с адвокатом, с ужасом и облегчением понимая, что теперь – назад дороги нет. Самое главное – сделано. Босс выведен из-под удара.

Технике допроса учат годами. В специальных милицеских школах. Преподають как сложную науку. Заставляют писать контрольные и ставят оценки. Светлые головы, не самые худшие умы, непрерывно продвигают эту дисциплину вперед.

Обвиняемые же и подозреваемые, наивные преступники и легкомысленные подонки, противостоять научным методам не умеют. Они не создали своей науки противодействия. С чего все начинается? Как себя вести? Как слушать вопросы, как формулировать ответы, какова при этом должна быть мимика? Жесты? Поза тела? Тембр голоса?

– Отвечай на вопрос, Андрей, – сказал следователь. Я развел руками:

– Ну, Михаил Мороз – мой сотрудник... Нечто вроде завхоза. Он что, тоже задержан?

– Да. Я исполнил веселое изумление. Хлопнул себя ладонью по коленке.

– Но это же глупо! Мои подчиненные здесь совершенно ни при чем! С какой стати тащить в изолятор совершенно невиновных людей? Миша Мороз закупает для моего банка факсы и ксероксы! Оргтехнику! Вот и вся его работа!

Хватов миролюбиво развел руками.

– Если это так, мы его отпустим. А теперь перейдем к факту хищения...

Рыжий лоер подпрыгнул из положения сидя и раскрыл рот, чтобы возмутиться, но я остановил его движением руки и надменно отчеканил:

– Повторяю! О хищении мне ничего неизвестно! Я не занимаюсь воровством денег из казны государства! Этот бизнес мне не нравится! В нем слишком велики уровни рисков и моральные издержки! Я ясно излагаю?

Следователь хладнокровно кивнул. Он производил впечатление необычайно уравновешенного человека.

– Вы не прищете мне хищение никогда, – продолжил я, гордо подняв голову. – По той простой причине, что я его не совершал! Любому умному человеку это стало бы ясно после трехминутной беседы. Вместо того чтобы арестовывать меня и моих подчиненных, разорять мой кабинет, в который я даже уборщицу не допускаю, достаточно было просто прийти ко мне в офис и задать все ваши вопросы...

– Твой кабинет – это *твой* кабинет, – назидательно произнес Хватов. – А мой кабинет – это *мой* кабинет...

И он с удовлетворением обвел глазами стены, показывая мне, что вполне доволен своим рабочим местом. Хотя, на мой взгляд, гордиться было совершенно нечем. Несгораемый шкаф эпохи позднего Брежнева, облупленный подоконник, кривоватая дверь, грязный линолеум, немытые оконные стекла, частицы пыли, подвешенные в воздухе, серебристо отсверкивающие в полосах солнечного света, – все выглядело поистине жалко.

– Кстати, о твоём кабинете, – заметил рязанский человек. – Во время, это самое, обыска там изъяты ключи и документы от трех автомашин. Все зарегистрированы на твоё имя. Но нигде не найдены твои водительские права...

– Вы что, – тихо спросил я, – вскрыли мой сейф?

– Естественно, – следователь развел руками. – Обязаны, это самое, и вскрыли.

Сейф стоил в два раза дороже, чем дом в городе Рязани, и то, что он уже вскрыт (всего за несколько часов!) меня разозлило и обидело. Продавцы стального монстра гарантировали мне полную невозможность вторжения. Сегодня же позвоню и устрою скандал, решил я. Потребую деньги обратно.

– Вскрывать сейф вы не имели права, – заявил я. – Будет подана жалоба.

– Четыре, – вставил Рыжий.

– Да, конечно, – рассеянно кивнул Хватов. – Но я о другом. Мы не нашли твои права.

– Все правильно, – кивнул я. – У меня их нет.

– Как же ты, это самое, ездил?

– Так и ездил, – беспечно ухмыльнулся я. – Без прав. Если останавливали – платил по таксе. Я же говорю, я не жадный. И таксу знаю. Кроме того, у меня есть личный шофер.

– Где он находится сейчас? – быстро спросил Клетчатый.

– Не скажу, – с наслаждением парировал я. – А то вы и его повяжете, как завхоза...

Легенду «завхоза» я и босс Михаил сочинили совместно, за две недели до ареста. После пары стаканов «Чивас Ригал». Вышло в рифму: «завхоз Мороз». Оформили, задним числом, и договор найма, и трудовую книжку, и ведомость заработной платы, и пропуск с печатью и фотографией.

– Не переживай, – участливо сказал следователь. – Твой завхоз – не пропадет. Хотя у нас есть данные, что он тоже причастен к хищению...

Я помертвел, но заставил себя раздвинуть губы и улыбнуться.

– Любопытно было бы поглядеть... на ваши данные... Следователь осторожно положил костлявую ладонь на папочку-скоросшиватель и погладил.

Я немедленно захотел предложить ему плату по самой высокой таксе, чтобы он разрешил мне хотя бы перелистать содержимое ДЕЛА. Но вовремя одумался. И стукнул рукой по столу.

– Черт с ним, с завхозом! Найму себе другого. Не будем терять времени! У меня сегодня в пять часов важнейшая деловая встреча, так что поторопимся...

– С тобой приятно иметь дело, – задумчиво произнес Хватов. – А чем конкретно занималась, это самое, твоя финансовая компания?

– Моя финансовая компания, – ответил я, – занималась операциями на финансовом рынке.

Следователь чрезвычайно спокойно проглотил издевательское высказывание.

– Так и запишем, – пробормотал он, нажимая кнопки. – Какими именно операциями?

– В основном перепродажей ценных бумаг – акций, облигаций и векселей. На бирже и вторичном рынке.

– А подробнее?

– Подробная информация, – ответил я грубо, – есть внутренняя информация. Коммерческая тайна. Она не подлежит разглашению ни при каких условиях!

– Хорошо. – Хватов кивнул. – А как насчет вывоза, это самое, капитала? Обналички? Увода денег от налогов?

– Бывало и такое, – невозмутимо признался я и снова обтер мокрую шею. – Я существую в конкурентной среде. Чтобы выжить, я обязан предложить всякому клиенту полный комплекс услуг, хотя бы и не совсем законных.

– То есть, – вкрадчиво стал уточнять Клетчатый, – всякий человек мог прислать тебе банковский перевод, а взамен забрать, это самое, наличные деньги?

– Не «всякий». Со «всяким» я бы и разговаривать не стал. Я работаю только в кругу своих.

– Значит, – Хватов сощурился, – у тебя имеется сформировавшийся круг клиентов, из числа предпринимателей, которым ты регулярно оказываешь, это самое, незаконные финансовые услуги?

– Безобразие, – усмехнулся адвокат. – Что за вопрос?! Это утверждение!

– Ничего, – благородно разрешил я. – Нормально. Диктую ответ, медленно: на начальном этапе своей деятельности, около двух лет назад, я иногда, в исключительных случаях, оказывал двум или трем лицам упомянутые услуги. Детали сделок – уже не помню...

Адвокат заерзал, но я в его сторону не посмотрел.

В конце концов, я все равно скажу все, что им нужно. Генерал Зуев подвел меня к этому еще час назад, в соседней комнате.

Да, был такой человек, аптекарь, с приятным семитским шармом в чертах лица, и он – да, попросил меня об услуге, и перевел со счета никому неизвестной маленькой фармацевтической компании несколько миллиардов рублей, и попросил обратить эти рубли в американские доллары и переслать в несколько европейских банков. В Латвию и в Австрию. Полмиллиона – выдать наличными ему в руки. Я так и сделал. Удержал свои комиссионные.

По закону с такой операции я обязан уплатить немалые налоги. Но – не уплатил. За что Уголовный кодекс предусматривает наказание в виде трех лет лишения свободы. Я согласен. Деньги – важнее. Я просижу максимум год, затем меня отпустят досрочно. Как говорится, за хорошее поведение. Весь год босс будет держать для меня мое рабочее место. Я вернусь в еще не остывшее, хранящее отпечаток моего зада кресло, за свой стол, за баранку кондиционированного автомобиля с большими колесами. Я вернусь в сауны, рестораны, джакузи, нырну в стаканы напитков, впрыгну в штаны «Кензо» и туфли «Ллойд» и заживу прежней жизнью. Такая логика казалась мне предельно простой.

Наверное, мои суждения – аморальны. Однако я не всегда сидел на мягком в дорогой карете. Перебравшись в столицу Империи, я начал здесь с нуля. Ночевал у друзей, на полу. Ел макароны с маргарином. Я проехал за пять лет тысячи километров в столичном метро. Я помнил, как однажды в подземных переходах появились плачущие старухи с протянутыми ковшиками сухих сморщенных ладошек.

Они появились, как только свергли коммунистических вождей. И больше уже не ушли. Они и сейчас там стоят.

Лучше пострадать один год – в молодости, чем двадцать лет в старости, подумал я однажды, в очередной раз опуская монетку в дрожащую руку. Лучше рвануться, рискнуть, но застраховать себя, и своих родителей, и детей от нищеты. Пусть тюрьма – но только не нищета, не голодная старость... Не дай Бог, черт побери.

Потом я многословно рассказал следователю Хватову о том, какой я мощный бизнесмен и славный малый. Затем стал разглагольствовать о деньгах, о семье, о политике, о законе и справедливости – обо всем на свете, лишь бы затолкать на самое дно разговора тему «завхоза Мороза». Я врал убедительно, красочно, аранжируя свою болтовню цифрами, подробностями и пословицами типа «чем дальше в лес, тем своя рубашка ближе к телу». Я жестикулировал, улыбался и дипломатично опускал глаза.

Я вложил всего себя в полчаса самого лучшего обмана в своей жизни.

Однако Клетчатого никак не тронул мой цветистый монолог – в самой его середине он вдруг встал, извинился и вышел. В дверном проеме тут же возникла фигура давешнего грубого оперативника. Сложив руки на груди, сыщик стал молча наблюдать за тем, как адвокат склонил свою голову к моей и горячо зашептал:

– Ни о чем не волнуйся!.. Как я понял, у них ничего на тебя нет. Никаких доказательств. Но по закону они могут продержать тебя, без предъявления обвинения, целых тридцать суток...

– Тридцать суток! – воскликнул я в отчаянии. – Целый месяц! А как же мой бизнес? Это катастрофа! Все рухнет! Мне нельзя – на тридцать суток! Иди, договорись, придумай что-нибудь!

Лоер в ответ только грустно покачал головой. Я выругался площадными словами.

– Кстати, – тихо спросил Рыжий, – ты вообще знаком со спецификой уголовного делопроизводства?

– В общих чертах, – буркнул я. – Насколько мне известно, они обязаны предъявить мне официальное обвинение. За подписью прокурора. И одновременно избрать «меру пресечения». Либо это будет подписка о невыезде, то есть: я гуляю на свободе, но по повестке являюсь на допросы; либо это – заключение под стражу: я сижу в тюрьме, и к следователю меня приводят из камеры...

Адвокат поддернул манжеты своей рубахи. Моя рубаха стоила примерно в семь раз дороже.

– Не в тюрьме, – поправил он меня, – а в следственном изоляторе.

– А что, есть разница?

– Если честно, – признался Рыжий, – нет. Никакой.

– Значит, я сижу тридцать суток, а потом они предъявляют обвинение?

– Да.

– Ага! – хохотнул я, чувствуя облегчение. – Но в казнокрадстве я не виноват! Доказательств нет и не будет! Они смогут обвинить меня лишь в неуплате налогов. Легкая статья! Три года! Такого обвиняемого они вряд ли станут держать в изоляторе!

– Ты прав. Лицо и руки адвоката были очень белые и сплошь покрыты веснушками.

– Тридцать суток! – вновь ужаснулся я. – Месяц! За это время моя контора рухнет! Клиентура разбежится по конкурентам! Я понесу убытки!

– Мы подадим в суд, – предложил Рыжий.

– На кого?

– На прокуратуру.

– Я подам иск против Генеральной прокуратуры страны? Это смешно.

– Пожалуй, ты опять прав. Тридцать суток тюрьмы! – с горечью подумал я. За что? А как же справедливый суд?

Меня отягощал недостаток, схожий с недостатком босса: я полагал себя самым эрудированным из всех шести – или сколько их там есть – миллиардов человеческих существ. Поэтому следующий вопрос я задал, стеснясь:

– А разве не суд решит, где именно я буду пребывать весь период следствия, – за решеткой или на свободе?

Адвокат печально улыбнулся.

– К сожалению, в этом вопросе отечественная юриспруденция... как бы это сказать...

– Буксует.

– В общем, да. – Рыжий снова вытер пот со лба. – Сейчас людей сажают в изолятор только волей прокурора. Там, в изоляторе, подследственный годами ждет решения своей участи. Человек может просидеть год, пока идет следствие, и еще год или даже два, пока услышит свой приговор. Суды переполнены. Очередь. Подсудимых много. Судей мало. Говорят, что скоро в законы внесут изменения. Но нас с тобой это не коснется. Тебя лишит свободы не суд, а чиновник прокуратуры. А он поступит так, как ему *удобно*. Он сочинит постановление, там будет сказано, что, находясь на свободе, ты можешь скрыться от правосудия...

– У меня бизнес! – выкрикнул я; сыщик у двери вздрогнул и сменил позу. – У меня семья! Ребенок! Старенькая мама! Куда я сбегу?

Рыжий поднял ладонь.

– Кроме того, находясь на свободе, ты сможешь оказать давление на свидетелей и помешать ходу расследования. Я лишь цитирую официальные формулировки...

Я глухо зарычал от досады, но справился с собой и хрипло спросил:

– Так что же меня ждет?

– Пока – месяц.

– А потом?

– Тебя отпустят, – уверенно ответил Максим. – Повесят неуплату налогов, дадут три года, условно, и все закончится...

– Ладно. Месяц – значит месяц. Отсажу.

Отвернувшись в сторону, я несколько раз сильно надавил большим и указательным пальцами на оба своих глазных яблока – чтобы они покраснели и веки припухли. Когда Хватов вернулся, я тут же пожаловался ему на усталость и плохое самочувствие. И деликатно попросил закончить разговор.

– Что же, – почти равнодушно кивнул морщинистый очкарик, – продолжим завтра. А сейчас, извини, будем вас, это самое, оформлять...

– Нас?

– Тебя и твоего завхоза, – будничным тоном пояснил Клетчатый. – По Указу Президента о борьбе с организованной преступностью и, это самое, бандитизмом – временно задерживаем обоих на тридцать суток!

– А завхоза за что?

– За компанию. Я встал.

– Значит, посадите, да? – после паузы спросил я, ощущая, как последняя слабая надежда рвется в лоскуты и исчезает где-то пониже и правее сердца.

– Посадим, – буднично произнес Хватов.

– Это незаконно! – воинственно выкрикнул мой лоер и тоже встал. – Я подам жалобу. Сегодня же. И не одну.

– Ваше право, – ответил Хватов, едва не зевая. – Ты, Андрей, не волнуйся. Посидишь, это самое, отоспишься, отдохнешь...

– Сегодня ночью, – мрачно заявил я, – вас, гражданин следователь, будут мучить кошмары. Вы сажаете в тюрьму невиновного человека!

– А я вообще здесь, в этой ужасной Москве, плохо сплю, – усмехнулся Клетчатый. – Слишком, это самое, шумно... Машины библикают... А ты сегодня ночью подумай, не дать ли тебе настоящие показания. Подробные. Пока ты по существу дела сказал только несколько слов...

– Поймите меня правильно, – возразил я с апломбом, – у меня – бизнес. В моем кабинете, как и в вашем, много чего происходит.

– Повторяю, – обиделся Хватов, – давай не будем путать, это самое, твой кабинет и мой!

– В моем кабинете, – продолжил я, – бывали такие люди, о которых я никогда никому ничего не скажу. Ни на каком допросе. Ни в вашем кабинете, ни в другом.

Иначе сквозь меня живо штырь проденут. Хоть в камере, хоть в бараке. Такая у меня жизнь. Иногда – *дешевле отсидеть*... И меня повели сидеть.

4

О бизнесменах, очутившихся в местах заключения, ходили в то время ужасные легенды. Говорили, что уголовное сообщество не приняло коммерсантов. Говорили, что преступный мир – организованный, спаянный убеждениями и обычаями – относится к новым людям с большой неприязнью. Говорили, что предпринимателей бьют и унижают. Отнимают еду и одежду. Говорили, что богатый человек, очутившись за решеткой, в обществе воров, убийц и насильников, окружен атмосферой всеобщего злорадства, его осыпают насмешками, презирают и сторонятся.

То же самое, впрочем, говорили в разное время об осужденных милиционерах, и о солдатах-дезертирах, и об иностранцах.

В общем, шагая меж двух решительных оперов в глубины Лефортовского замка, я не очень нервничал. В конце концов, со мной мои доллары! И адвокат! И босс! И влиятельные друзья! Со мной, наконец, я сам – поджарый, ловкий, умный, решительный, единственный в своем роде. Нищий студент, в несколько коротких лет поднявшийся до запредельных высот, до миллионных контрактов. Состоявшийся и состоятельный. Тюрьма? Пусть будет тюрьма: каземат, камера, изолятор, зона, каторга, лагерь – все что угодно.

Я делаю самое главное на свете – деньги. И на своем пути пройду сквозь всякую тюрьму, как нож проходит сквозь масло.

Глава 3

Я начал всерьез размышлять о тюрьме очень давно. Не то чтобы думал с детства – но тянуло. Заведение с решетками на окнах всегда казалось мне самым страшным местом на свете, и этот страх возбуждал меня.

Свои детские годы я провел в веселой ромашковой стране Совдепии. Преступность на ее территории была побеждена физически, морально и нравственно. Если в далекой провинции дураки грабили сберкассу, это расценивалось как чрезвычайное происшествие в масштабах всей Империи. Газеты, конечно, молчали – но все руководство милиции, госбезопасности и администрации той территории, где произошел акт бандитизма, в один миг лишалось своих мест.

Когда два брата по фамилии Грач образовали преступную группу, раздобыли автомат и убили из него милиционера, случилась чудовищная сенсация. Про неслыханный случай даже сняли художественный фильм.

Тоталитарные режимы уничтожают всякую серьезную преступность, не говоря уже о преступности организованной. Муссолини в пару лет вырезал под корень всю сицилийскую мафию. Известный историкам факт.

И вожди Совдепии пошли схожим путем. Хитрые – как и положено настоящим византийцам, – они решили совсем лишиться своих подданных какой бы то ни было информации об уголовниках и местах их обитания. Официально преступность считалась ликвидированной. Тщательно, кропотливо насаждалась культура, полностью свободная от преступной идеи. Героями книг и фильмов, радиопередач и театральных постановок выступали честные, весьма положительные мужчины и женщины, не склонные к авантюре. А преступный мир изображался в виде горстки полностью опустившихся, ни на что не способных, глубоко несчастных людей, где каждый второй мечтает перековаться в добропорядочного члена общества.

Городские дети в дни каникул едут к бабкам в деревню; я же, сельский отрок, всякое лето путешествовал в обратном направлении. Из зноя и пыли – в прохладу, в город, к цивилизации. Десять кинотеатров, три стадиона, библиотека с читальным залом, парк культуры – а посреди всего великолепия бабушкина квартира. Просторная, с окнами в тихий двор. Во дворе – гипсовая балерина, в бабушкином шкафу – десять желтых томов «Детской энциклопедии» издания 1958 года. Можно почитать том «Наука и техника», а лучше том «Моря и океаны», после – оседлать велосипед, домчать до кинотеатра, изучить рекламный щит «Скоро на экране», купить и съесть мороженое за семь копеек, всласть погонять по дворам и вернуться к морям и океанам. И так – каждый день.

Отрок ощущал счастье, как нечто постоянное.

Но речь не о морях и океанах, а о тюрьме и об уголовниках.

Их я увидел впервые в жизни именно в городе, на летних вакациях. Во всяком населенном пункте моей страны есть особенные места – возле дверей в винный магазин, и еще на задах ларьков приема стеклопосуды – вытоптанные и заплеванные пятки, где собираются в группы, переругиваются и занимают друг у друга медные монеты наиболее опустившиеся горожане. Там и заметил однажды счастливый юнец с мороженым в руке необычных людей. Шумных, бесцеремонных, в обвисших исподних майках, открывающих взору публики острые татуированные плечи. Угловатые, нечистые, смердящие приторным портвейном существа с выбитыми зубами. Особенно неприятными выглядели их подруги – невероятно грубые и крикливые женщины с опухшими, жирно покрашенными лицами.

Уголовники, с ужасом догадался отрок и нажал на педали своего блестящего велика. Уголовники! Преступники! Злодеи! Плохие, нечестные люди! Вези, вези меня прочь от них, мой быстрый велосипед!

Сам я был из тех мальчиков, которые, найдя кошелек с деньгами, тут же вешают на забор объявление: «Найден кошелек с деньгами». Моя честность, принципиальность и порядочность простирались в дали, столь же бесконечные, как глубокий космос. Тогда я бредил космосом, полетами, скафандрами, лазерными пушками и прочими подобными штуками.

В тринадцать с половиной лет я твердо решил, что стану писателем-фантастом и превзойду мастерством любимых мною авторов – братьев Стругацких. Гениальные братья открыли мне, что смысл и счастье человеческой жизни – в созидательном труде, в творчестве, в познании мира и в развитии личности.

Я решительно взялся за дело. С самого начала я положил себе за правило делать тексты каждый день. Минимум по два часа. Еще столько же времени проводил в городском читальном зале. Я изучал мировую литературу и упорно портил бумагу. Сверстники уже зажимали девчонок по подъездам, а я только усмехался – я строил свое будущее. Полировал за письменным столом детали секретного оружия, необходимого для победы над миром.

К шестнадцати годам я полностью сформировался как писатель: я знал, что буду делать легкую и злую сюжетную прозу. Смешную и горькую. Точную и отвязную. Я решил, что от моих книг чуваки и чувихи будут балдеть, как восьмиклассница от первой сигареты. Я поклялся себе, что буду работать без сна и отдыха, до обмороков, до темноты в глазах, – но превзойду всех. Стану самым лучшим. Великим. Неподражаемым. Поставлю на уши всю тысячелетнюю мировую словесность. Моими романами будут зачитываться, над ними станут хохотать и рыдать, их будут экранизировать и цитировать. Мои романы взорвутся, подобно бомбам. Они изменят человечество. Они выведут людей к свету.

Осталось накопить жизненный опыт.

Тут я опять подумал о тюрьме и об уголовниках.

Я хотел делать экстремальные, бьющие наотмашь истории. Соответственно, они требовали экстремального материала. В его поисках я для начала устроился строительным рабочим – отбойным молотком долбил землю в тридцатиградусный мороз. После часа работы лицо, шея и руки по локоть покрывались слоем машинного масла. Подлинного экстрима я тут не обрел. Вообще, я легко переношу тяжелый физический труд. Приучен сизмальства. В обеденные перерывы писалась повесть, где действовал герой, плотник-бетонщик Колюха, и героиня, председатель профкома, по прозвищу Доска Почета. Одновременно шла подготовка к поступлению на факультет журналистики Московского университета. Сочинялись бойкие репортажи для многотиражки строительного треста, боевого листка формата А2 с многосмысленным названием «Огни новостроек».

Однажды фотограф принес в редакцию портрет, сделанный им в каком-то котловане: красивейший черноволосый мужчина, рабочий, с ясным, открытым лицом, высоким лбом, белозубо улыбающийся, в романтически расстегнутой новенькой брезентовой робе, в ловко сидящей каске. Фото украсило бы любую выставку или обложку столичного журнала.

Возникла идея дать портрет на первую полосу, рядом поставить маленький очерк. Я тут же позвонил в отдел кадров конторы, где числился герой портрета, и сваял тридцать строк.

– Не пойдет, – сказал главный редактор, созвонившись с цензором. – Этот красавец – ранее судимый.

Школу я покинул невинным, как гладиолус, и поступил в университет с первого захода, выдержав конкурс в семнадцать человек на место. Перспективы виделись блестящими. Впереди простиралась широкая и светлая дорога, по которой я должен был пройти весело и при-

вольно. Учеба, затем тяжелая, но интересная работа в редакции. Личный рост и так далее. Тюрьма сюда не вписывалась.

Но разве возможно понять людей и процессы в обществе, не побывав на самом его дне?

Мои мысли постепенно оформились в нечто вроде плана. Я предполагал нырнуть в зарешеченное заведение ненадолго – например, на полгода, – чтобы ознакомиться и понять и саму тюрьму, и преступную идею. А потом – мрачно ходить среди людей, излучая загадочную силу и тайну! Хорошо, что до этого не дошло.

Вскоре Родина дала понять, что мне пора надеть сапоги и погоны. Пришлось выполнять воинский долг полностью. Уплатить полновесные два года. Армия Совдепии являла собой обыкновенный колхоз. Я опять не собрал никакого острого материала для книг. В год моего дембеля, восемьдесят девятый, сразу два или три молодых писателя попытались прогнать со своими воинскими мемуарами. Там с большим чувством толкалась тема унижения одних вооруженных, одинаково одетых мальчишек другими мальчишками. Я же чувствовал, что делать такую прозу – это ошибка. Насилие – в его казарменном виде – совершенно неинтересно человечеству. В конце концов на солдатской службе я участвовал в драках и получал по физиономии никак не чаще, чем до службы. Дело молодое.

Время показало, что я прав. Не прошло и года, как в Совдепию пришло видео, а с ним обширная мировая кинокультура. Публика посмотрела «Фулл металл джэкет» Кубрика и утратила интерес к неглубоким военным опусам начинающих столичных авторов.

Вместе с видеокультурой утвердилась и мировая преступная идея, представленная фильмами – шедеврами крупнейших мастеров. Суть этой идеи проста. Человек остается хорошим и добрым только тогда, когда он выпался, согрелся и покушал. Попробуйте отнять у него жизнь, еду, комфорт, самку – и увидите, как он превратится в лязгающее клыками животное, не обращающее на закон никакого внимания. То есть каждый из нас, внешне добрых и честных, станет преступником, будь на то обстоятельства.

Без сомнения, преступная идея важна. Она всегда выживала и выживет. У нее есть свои апостолы, мученики и евангелисты. Эта идея не дает обществу забыть, что оно, общество, состоит не только из хороших людей, но и из плохих, слабых, отягощенных пороками. Всякий знает, что справа и слева от Иисуса Христа распяли двух уголовников. Преступная идея – это вопль *истинно несчастных*: всех, кто лишен совести и сострадания, всех безвольных и слабохарактерных, всех психопатов, убийц, маньяков, насильников, душегубов, аферистов, бандитов, психически больных, неверящих, бесталанных и бездарных. Не забудьте, что гомо сапиенс несовершенен! – кричит эта идея любому, кто возомнит себя гением, а человечество – полем для произрастания себе подобных.

В Совдепии преступная идея замалчивалась. Ни ее последователи, ни ее критики не имели голоса. Поэтому тюрьмы моей Родины еще много десятилетий будут переполнены.

Выйдя из ворот с красными звездами, я увидел поразительнейшее в своей нагой красоте зрелище: карамельная поляна моего детства выгорела дотла. Страна лютиков и полусалочков, прикольная Совдепия – издохла. Сквозь ее разлагающийся трупик мощно проросло новое государство: жестокое, циничное, но наполненное до краев юмором и энергией жизни. В точности такое, как мои ненаписанные романы.

Однако теперь с литературой я решил повременить. Сначала я задумал сколотить миллион. Все мои сверстники занимались сколачиванием миллиона. У некоторых это получалось.

Есть поговорка американских финансистов: «Прежде чем купить акции, купи дом!». То есть сначала подумай о себе, а потом о своем авантюризме. Сначала подстрахуйся, а потом рискуй. Я сочинил для себя похожий слоган: «Прежде чем писать книжки, сделай деньги!». Обеспечь себя и свою семью, а потом сочиняй, сколько угодно...

Делание денег – крайне рискованное дело, и я вновь вспомнил о тюрьме. И не один раз, и не два. В начале девяностых обстановка в столице моей Родины была здорово приближена к боевой.

Так прошло пять долгих лет. Всякий раз, когда в моих делах наступал застой и я оказывался без работы, без дела, но при свободном времени, – я немедленно садился за стол и начинал писать. Об этой ситуации писатель Тургенев сказал так: «Во дни сомнений и тягостных раздумий ты один мне надежда и опора, о великий и могучий русский язык!» Впрочем, Тургенев был дворянин и никогда не маялся вопросом, где взять денег на покушать. Работа или дело для меня находились быстро, и я не закончил ни одной своей вещи.

Я никогда не дрожал над рукописями, не складывал в заветную папочку. В двадцать два или двадцать три года делать прозу нельзя – можно только упражняться. Впоследствии рассказы и повести гибли при квартирных переездах, я их пережил около десятка.

В конце концов нашлось такое дело, которому я посвятил себя целиком, и оно принесло мне золото, господ. Сам по себе процесс обогащения показался мне настолько интересным, что литературу я задвинул. Успеется! В руки идут и деньги, и богатейший материал для романов и сценариев! Бизнес! Вот где страсти и драматические коллизии! Вот где персонажи и характеры! Москва девяностых явно будет покруче Чикаго тридцатых, там убивали всего лишь за самогон, а здесь дрались и дерутся за нефть, газ и недвижимость...

Ночами вокруг меня кружили великие тени Бальзака и Драйзера. Как и они, я жил среди банкиров, промышленников и ростовщиков, среди звона монет и шелеста купюр, в мире, где старая мораль втапывалась в грязь, а взамен торжествовала новая: простая, понятная и жестокая.

Ежемесячно я давал себе твердое обещание начать наконец новый текст. Гениальный. Самый лучший. Потрясающий воображение самого искушенного читателя. Оставалось выкроить хотя бы несколько часов в неделю. Замыслы переполняли голову. Но часы не выкраивались. Потребная для творческого труда нервная энергия расходовалась без малейшего остатка в офисе. Вечером душа и тело требовали разрядки, расслабления. Как минимум в виде дозы алкоголя. Я совершенно не мог себя заставить отрешиться от сиюминутных коммерческих проблем и всерьез задуматься о своем первом великом романе. К тому же за романы мало платят. А всякий искушенный бизнесмен скажет вам, что глупо тратить драгоценное время для создания товара, за который мало платят.

Естественно, ни один из пяти десятков моих деловых партнеров не знал, что на самом деле я никакой не бизнесмен, а писатель, собирающий материал. Если бы я заикнулся о чем-либо подобном, никто бы не стал иметь со мной дело. В бизнесе любят жестких реалистов, уважают простоту и конкретику, в нем нет места созерцателям, фантазерам, всяким пискам и прочим гражданам не от мира сего. Этот импульсивный, ненадежный народец иногда живет на содержании у бизнеса, но сам бесконечно далек от его реалий. И я помалкивал, внешне оставаясь резким и энергичным дельцом с калькулятором вместо мозгов.

Впоследствии бизнес вырос. Я разбогател. Долгожданный и вожаемый миллион замаячил на расстоянии вытянутой руки. Я понесся вперед, забывая подобрать слюни азарта. Одновременно увеличались и нагрузки. Сон был урезан до пяти часов. Вокруг возникли враги, конкуренты и завистники. По временам я серьезно переживал за то, как бы не тронуться рассудком посреди своей замысловатой коммерции.

Наконец, грянул финал: меня взяли. В полушаге от миллиона.

Романа я так и не начал.

Так все сошлось к одному – и миллион, и тюрьма, и литература.

Глава 4

1

Специальный следственный изолятор номер один дробь один позиционировал себя как лучшее заведение из всех, предлагаемых публике отечественной пенитенциарной системой. Как апартаменты VIP.

Здесь талантливо и здраво воплощалась сама *идея* изоляции. Здесь изоляция торжествовала. Царила. Доводилась до абсолюта, до великолепного апофеоза. В казематах этой крепости каждый клиент изолировался полностью, тотально – так, что невольно проникался уважением к государству, имеющему в своем распоряжении столь мощную и хитрую тюрьму.

В прохладном помещении, отделанном зелеными пластиковыми панелями, мне предложили раздеться догола. Очень вежливый человек средних лет с погонами прапорщика на тощих плечах досконально изучил мою одежду, тщательно пройдясь узловатыми пальцами по всем ее швам. Затем мне позволили надеть трусы и оставили одного. Часа полтора или два, изнывая от невнятной тоски, я ждал, что будет дальше.

Вдруг прапорщик появился в сопровождении второго, в белом халате. Тот облачился в перчатки, с шиком бывшего прозектора звонко щелкнул их резиной по своим запястьям, а потом рекомендовал мне нагнуться и раздвинуть ягодицы.

– Ну что там? – спросил я, выполнив просьбу. – Амнистии не видать?

Прапорщики не засмеялись – очевидно, уже слышали эту шутку неоднократно. А может быть, они мысленно спросили друг друга, будет ли смеяться этот человек после пары недель, проведенных в их каземате? И будет ли вообще теперь смеяться когда-нибудь? Или: будет всю жизнь потом только смеяться, и больше ничего.

Отобрали шнурки, брючный ремень и наручные часы. Оставили только носовой платок. Когда я вновь надел свои пятисотдолларовые штаны, они тут же попытались соскочить с тощих чресел. Пришлось придержать их локтем.

– Руки за спину! Вперед!

Едва я сделал шаг, как брюки вновь съехали, а ботинки почти соскочили с ног. Пришлось взяться сцепленными руками за ткань на собственном заду и поддержать повыше; растопырить, насколько возможно, пальцы на ногах, дабы удержать туфли от бегства, – короче говоря, кое-как приспособиться.

Повели по широкой лестнице на второй этаж, потом на третий. Время от времени конвоир ударял об железные перила связкой ключей, огромных, как кухонные ножи. Когда где-то наверху раздались аналогичные стуки, конвоир произнес:

– Стоять. Лицом к стене. Я повернулся. Стена оказалась сродни той, в кабинете.

Жирный, щедрый слой неровной штукатурки, сверху обильно и неряшливо окрашенный темно-зеленой, цвета травы, масляной краской. Мимо протопали несколько пар ботинок.

– Вперед. В пахнущей мылом полутемной каптерке мне дали матрас, одеяло, две узкие простыни и наволочку с огромными черными штампами в виде пятиконечной звезды, заключенной в прямоугольник. Такие штампы последний раз я видел пятнадцать лет назад – во время службы в армии. Уже тогда я подозревал, что просторные сатиновые трусы, кальсоны и вафельные полотенчики установленного образца произведены в Империи еще при Сталине и Хрущеве – в избыточных количествах, впрок, на многие десятилетия вперед. Безусловно, военный гений вождей государства в те годы легко пронзал насквозь толщу будущего.

- Мыться будете? – спросил каптер, тоже прапорщик. Я покачал головой.
- Напрасно. Следующая баня – в четверг. Через пять дней. А пока добро пожаловать...

2

И вот я шагнул во внутренние объемы всемирно известного Лефортовского замка. Увидел светлую и широкую галерею, словно бы лишенную потолка: стены уходили высоко вверх. Никто не запретил мне вертеть головой, и я, бросив вокруг несколько торопливых взглядов, увидел четыре уровня, четыре ряда дверей. Вдоль рядов тянулись стальные помосты, огражденные с внешней стороны перилами. Натянутые поперек всего пространства стальные сети разрезали тюремную вселенную на несколько слоев. Необходимость сетки всем известна: не будь ее, тот или иной отчаявшийся узник однажды бросится с высоты вниз головой.

На первом и втором уровне, рядом с дверями, в нескольких местах маячили фигуры в зеленом.

По железным ступеням я – туфли с выскочившими языками, штаны норовят рухнуть, под локтем скатанный в трубу, вываливающийся матрас – поднялся на второй ярус. Железный настил здесь покрывала ковровая дорожка. Гул моих шагов улетал далеко в стороны и вверх. Шагающий сзади функционер в зеленой форме, наоборот, ступал совершенно неслышно.

– Стоять, – сказали мне снова.

На этот раз лицом к стене я повернулся уже безо всякого напоминания.

Мощно, густо, в три отдельных слога, грянули стальные сочленения дверного замка. Эхо отдалось под сводами. Издалека слабо вскрикнул воробей – тот самый, что обязательно живет под крышей всякого обширного помещения. Птичий возглас повторился еще раз, и еще. То было приветствие новому постояльцу, или соболезнование, или просто короткое сообщение: беспокоиться не о чем, друг, – даже здесь, в каземате, можно не только жить, но и чирикать.

Злых уголовников я не увидел.

В камере оказалось пусто; очень светло, очень чисто и красиво. Каменный пол – коричневый, три пустые железные кровати – ярко-синие, стены – желтые. В ближнем углу, у входа, я опознал оригинальный приемник для нечистот, имевший вид конусообразной чугунной трубы, расширяющейся кверху до размеров среднестатистического человеческого зада.

Я постелил матрас и рухнул. Чтобы не видеть сине-желто-коричневую красоту, отвернулся к стене. И сразу различил на ней маленькие буквы, выведенные авторучкой: Человек – это звучит горько. Ниже была подпись: Максим Гордый.

Сейчас же лязгнула, открываясь, прямоугольная дыра в двери, «кормушка». Вертухай грянул всеми своими ключами об ее железную поверхность.

Требуется внимания, догадался я и поднял голову.

– Все в порядке? – донеслось из отверстия.

– Да. Все в порядке.

– Лицом к стене лежать нельзя! До отбоя укрываться одеялом нельзя! Укрываться одеялом с головой нельзя! – сказал надзиратель подрагивающим голосом дисциплинированного хама.

Я промолчал. «Кормушка» захлопнулась с варварским грохотом.

– Эй, командир! – крикнул я. – Дай закурить! В ответ – ни звука. Свет и воздух проникали сюда через амбразуру в торцевой стене. Я с любопытством изучил ее устройство. Сама стена здесь имела не менее полутора метров толщины. Намертво вделанный стальной переплет удерживал в себе прямоугольный кусок толстого непрозрачного стекла, внутри армиро-

ванного стальными нитями. За стеклом, в ярком свете вечернего солнца, четко различались очертания массивной решетки: вертикально стоящие трехсантиметровые прутья и мощные плоские поперечины.

Ненавижу решетки, подумал я с тоской.

Верхняя часть окна, поворачиваясь на петлях, могла приоткрываться вниз. Ухватив пальцами края створки, я подтянулся, намереваясь узнать, есть ли наверху сквозная щель и можно ли через эту щель увидеть что-нибудь происходящее снаружи здания, – но позади меня снова загредел металл.

– На окно забираться нельзя! – выкрикнул дежурный.

Я прыгнул на пол. Дыра в двери снова оглушительно грохнула.

А чего ты хотел, спросил я себя мысленно. Коврик вдоль ряда дверей положен не для красоты, а для пользы. И обувь у надзирателя особая, мягкая – не сапоги, не ботинки, а какие-то тапочки, на манер спортивных. Все для того, чтобы перемещаться от двери до двери совершенно бесшумно. Он осторожно шагает, неслышно подходит, беззвучно отодвигает заслонку «глазка», и – смотрит. Потом крадется к следующей двери.

Поразмыслив, я решил, что в бизнесе вертухая есть интересные стороны. Заглянув в дырочку, контролер наблюдает то грустного свежепойманного шпиона, то маньяка-душегуба, то крупнейшего госчиновника, укравшего миллиарды. Изолятор «Лефортово» предназначается для элиты, для архизлодеев, для особо опасных, для тех, чья судьба важна государству. Истории о здешних постояльцах гремят на всю страну. Посмотрев очередной выпуск теленовостей, вертухай потом идет подсматривать, как герои сюжетов жрут пайку, рубятся с сокамерниками в домино или же задумчиво какают.

Прямо над дверью я обнаружил экономно сделанную деталь из черного эбонита – это оказалась ручка, я крутанул ее, и меж желтых стен упруго загудел приятнейший баритон:

– Передаем сигналы точного времени!

Это вещала государственная радиоккомпания «Свояк». Ее передачи я не слушал уже лет пятнадцать – с тех пор как в стране появились частные станции FM-диапазона.

– Начало шестого сигнала, – мастерски интонируя, продолжил диктор, – соответствует пятнадцати часам московского времени!

Я почувствовал, что улыбаюсь. Из радиоточки на меня задышала страна моего детства, забытая разноцветная Совдепия. Выдохнула перегаром, стариковски шмыгнула, обдала отрыжкой сосисок, винегрета, соленых грибочков, портвешка, а по временам и «Беломорканала». Радио страны, которой давно нет, продолжало вещать теми же идеологически устойчивыми голосами, под ту же самую ровную, бодрую музыку. Медленно, многозначительно, с расстановкой, с паузами.

Я немедленно повернул рукоять. Еще пятнадцать лет назад я понял, что не могу слышать этих заторможенных и напряженных людей, пытающихся что-то рассказать прочим заторможенным, полусонным, нерешительным гражданам родной Совдепии. Выдержав паузу, я прибавил громкость.

– Наш корреспондент, – жизнерадостно возвестило женское контральто, – недавно побывал в гостях у заслуженного деятеля искусств, профессора, лауреата многих международных конкурсов...

В ужасе я снова выключил звук. Ничего не изменилось. Информация подается слишком медленно и помпезно. Это радио для тех, кто плохо соображает.

Оставшись в тишине, я присел на матрас (собственность тюрьмы), потом прилег – и неожиданно уснул. В конце концов, последние несколько месяцев я редко спал больше пяти часов в сутки. Через какое-то время вертухай, громко стуча по дверному железу, разбудил меня и что-то спросил про ужин, но я только помотал головой и заснул опять.

Затем группа функционеров в хаки, открыв дверь, проникла в камеру, разбудила меня криком «Проверка!», заставила принять вертикальное положение, спросила, все ли в порядке, и тут же вышла.

Я лег опять. Но теперь окончательно заснуть мне мешал свет. Встав, я отыскал на стене выключатель и нажал клавишу. Лампа под потолком продолжала гореть. Я щелкнул еще раз и еще. Безрезультатно. Сломан, что ли?

Дверная амбразура снова ожила.

– В чем дело? – поинтересовался строгий голос. – Вы нажали кнопку вызова!

– Я думал, это верхний свет. Выключите его, пожалуйста!

– Не положено.

Мне пришлось защитить глаза ладонью. На этот раз я проспал до самого утра, придя в себя только тогда, когда от голода заболел желудок.

3

Завтрак я едва дождался. Шум тележки услышал издали. Ее движение по стальному настилу вдоль ряда дверей сопровождалось скупыми звуками голосов и грохотом железа. Когда наконец стальная пластина откинулась вниз, я уже стоял подле – сжимая в руке алюминиевую миску с помятым краем.

– Завтрак, – негромко объявил дежурный.

С той стороны, на фоне далекой противоположной стены, я увидел бодрую женщину в белом халате. Бросив на меня заинтересованный взгляд, она размешала массивным половником некое мощно дымящееся хлебо-масляное блюдо в циклопической кастрюле, сбоку украшенной грубо наклепанным инвентарным номером. Решительно схватила протянутую мною посуду, наполнила до краев и вернула мне. Последовал еще хлеб, потом сахар.

Рядом с дверью, в самом углу каземата, стоял деревянный стол – я поместил пайку на его поверхность, дождался, пока кормушка закроется, и поспешно сервировал трапезу.

Итак, баланда, мадам и месье!

Цвет продукта был буро-серый. Внешне это выглядело как манная каша. Я понюхал. Запах не внушил оптимизма. Но пища была горячей, а хлеб – довольно свежим. И я все съел.

Надо сказать, в еде я совершенно непривередлив и считаю, что такой подход к пище – сугубо утилитарный – есть единственно правильный. Сомневающимся гражданам предлагаю провести несложный опыт. Возьмите добровольца и уговорите его голодать, скажем, двое суток. Потом поставьте перед ним черный хлеб и воду – столько, сколько он захочет. Пусть покусает вволю. Набивает желудок так, как ему заблагорассудится. Только хлеб и вода, больше ничего. В тот же миг, как только подопытный удовлетворенно вздохнет и отодвинет от себя недоеденную краюху, предложите ему полноценный обед из пяти блюд: огнедышащий тонкий суп, и кусок идеально прожаренного, тщательно умщенного специями мяса, и сыры, и десерт, и кофе. Что произойдет? Правильно: доброволец – откажется. Заявит, что уже сыт. Острые запахи не возбуждают его, исходящий от еды пар не вызовет слюноотделения. Сытый хлебом и водой, человек не захочет большего. Таким образом, гастрономия имеет все признаки лженауки и должна рассматриваться исключительно как забава для бездельников и снобов.

Откушав казенного харча, я ощутил душевный и физический подъем. Очень хотелось курить, но свою пачку сигарет я прикончил еще вчера. Обыскав в поисках окурка всю камеру, я потерпел неудачу. Ничего. Ни крошки табака.

Эти поиски, внимательное заглядывание в углы и в щели, постепенно натолкнули меня на раздумья о том, куда, собственно, я попал и каким путем отсюда можно уйти. Плох тот заключенный, который не строит своего плана побега, хотя бы ради умственной тренировки.

Бежать я, само собой, не собирался. Зачем, если через двадцать восемь дней меня отпустят на законных основаниях? Но нельзя исключать и вероятности того, что все эти двадцать восемь дней будут чередой издевательств, пыток и избиений. Если верить книгам Шаламова, от властей Империи можно ожидать чего угодно. Так что подготовить маршрут отхода мне просто необходимо.

Перебрав в уме несколько вариантов, я признался себе, что побег из Лефортовского замка – дело немыслимое. Через окно – не уйти, там все прочно и крепко. Стена у окна – толста. Противоположная, где дверь, точно такая же. Логично предполагать, что и две прочие стены несокрушимы. Я побарабанил согнутым пальцем – вышел глухой, жалкий звук. Я ударил несколько раз кулаком, плашмя, сильно; результат нулевой. С таким же успехом можно простукивать пирамиду Хеопса.

С той стороны, из соседней камеры, никто не отзывался на зов. Я перешел вправо и повторил попытку. Без ответа. Либо стены слишком толсты, либо – что вероятнее всего – соседние боксы пустуют.

Было бы здорово иметь за стеной в соседях собственного босса, вдруг подумал я. Мы бы быстро наладили перестукивание, слали бы друг другу приветы посредством какой-нибудь азбуки Морзе или другой системы сигналов...

Но меня почти сразу отрезвили: возле двери скрипнуло, тихо зашуршало, и через дырку на меня посмотрел человеческий глаз. Я поспешно сел, демонстрируя позой тела смирение и абсолютную покорность обстоятельствам.

Как бежать? Как бежать, если за тобой наблюдают каждые полторы или две минуты? Как бежать, если ты под постоянным контролем? Как бежать из клетки, где запрещено даже прятать голову под одеяло, где ты обязан все время демонстрировать вертухаю свое лицо?

Нет, сказал я себе. Монтекристовщина только помешает. Побега – не будет! А будет вот как: через четыре недели, 15 сентября, я совершу торжественное дефиле через главный вестибюль, держа в руках официальные бумажки, удостоверяющие, что моя свобода дарована мне на законных основаниях.

Костюм от «Кензо» жалко. Его придется выбросить. Ходить на воле в тюремных вещах – это очень плохая русская примета.

Возможно, меня выпустят не через месяц, а чуть позже. Возможно, я задержусь тут еще на пару дней. Но это – максимум. Все равно – выпустят! Сначала выпустят мнимого завхоза Михаила. А потом – меня. Я нужен своему боссу. Ведь мы партнеры. Компаньоны. Один без другого – никуда.

Сейчас мой друг где-то здесь. Может быть, один и тот же надзиратель смотрит через дырочку на меня, а потом проделывает несколько бесшумных шагов и видит уже босса. Смотрит, как тот мается без сигарет и переживает за себя, за меня, за деньги, за бизнес...

Я открыл кран и вымыл, как мог, свою миску под струей холодной воды. На сизом металле остались жирные пятна. Вид грязной посуды вызвал во мне омерзение, и я едва не швырнул ее в стену.

В какой-то степени боссу сейчас труднее, чем мне. Во-первых, у него нет адвоката. Это мы предусмотрели. Откуда у скромного завхоза небольшой коммерческой фирмы деньги на оплату дорогостоящих услуг профессионального законника? А самое главное: зачем *вообще* завхозу – адвокат? Завхоз ничего не знает. Он априори невиновен. Его дело – покупать бумагу и картриджи для печатающих устройств. Фломастеры, карандаши, бензин для машины – вот его епархия.

Таким образом, босс Михаил ничего не знает. Ему неизвестно, какие показания дал Андрей. А вдруг Андрей проявил слабость и сразу чистосердечно во всем признался? И теперь не в изоляторе сидит, а – в ресторане?

Я представил себе, как босс мечется из угла в угол и страдает. Босс – жесткий и опытный человек; безусловно, он всесторонне обдумал все варианты, и самые худшие – тоже. Вдруг, о ужас, Андрей ведет свою игру? Вдруг он все свалил на Михаила, а себя – обелил и выгородил? И сидит сейчас вовсе даже не в ресторане, а – в офисе?! Намереваясь прибрать к рукам все капиталы?! А Михаила упрячут за решетку лет на восемь?!

Жаль, что я не телепат. Я бы послал боссу мысленный мессидж, краткий, простой. Ни о чем не волнуйся, босс! Я тебя уже прикрыл! Официально заявил, что ты не босс, а завхоз. И – подписал протокол. И – отправлен сидеть.

Тебя – отпустят. А потом ты сделаешь так, чтобы отпустили и меня.

Новый день – новый вертухай. Этот начал знакомство с того, что протянул через открытую «кормушку» мокрую тряпку.

– Протрите, пожалуйста, «глазок».

– Пошел к черту, – легко ответил я. – Твой «глазок» – ты и протирай.

– В карцер пойдешь, – равнодушно парировали с той стороны.

Я подошел к двери и молча провел тряпкой по куску прозрачного оргстекла, вделанному в деревянный, окованный толстым листовым железом дверной массив.

– Благодарю, – вежливо сказал дежурный, показав в прямоугольнике «кормушки» бледное, остроносое лицо, справа и слева от которого светились большие прозрачные уши.

– Обращайся в любое время, – успел я ввернуть, прежде чем «кормушка» закрылась.

Никогда нельзя оставлять за оппонентом последнее слово.

Гордый маленькой словесной победой, я принялся расхаживать по самому длинному маршруту – от двери до края той железной кровати, что находилась в торце камеры. Всего расстояния было – пять широких, энергичных мужских шагов, обратно – четыре с половиной; полшага уходило на разворот.

«Давайте, ребята, давайте! Вперед! – беззаботно ободрил я своих оппонентов. – Что тут у вас? Решетки, замки, стены? Двери с дырками для подглядывания? Баланда? Что еще? Нельзя ножи и вилки? Спать при свете? И это все, чем вы хотите победить меня? Подавить? Сломать? Я вас не боюсь! Я вашей тюрьмы не боюсь!

Я ВАШЕЙ ТЮРЬМЫ НЕ БОЮСЬ! Я ВАШЕЙ ТЮРЬМЫ НЕ БОЮСЬ!

ВЫ НИКОГДА, НИКОГДА МЕНЯ НЕ ОСТАНОВИТЕ!

Посмотрим, как вы запоете через месяц! – ухмылялся я, ударяя в ладоши. – Или нет – через двадцать восемь дней! Когда выйдет мой друг, мой шеф и босс, когда он организует и проплатит давление со всех сторон, когда на вас набросятся адвокаты, депутаты и репортеры! Мои друзья и мои деньги вытащат меня из каземата в мгновение ока! Никто не устоит перед всепокрушающей силой наличного доллара! Я коррумпирую вас так, что мир содрогнется. Я подкуплю всех!»

Правда и то, что сейчас мне неизвестно, какова сама по себе процедура подкупа. Нет такого заведения, где можно было бы официально внести в кассовое окошечко сумму в обеспечение своей личной свободы. Я не знаю, что конкретно нужно предпринять, чтобы купить ее.

Но я узнаю. Придумаю и продумаю. Я найду человека, от которого зависит моя судьба. Кто бы он ни был – милицкий генерал, крупный чиновник или министр, – я договорюсь с ним. Я дам ему столько, что он будет шокирован. Завалю его деньгами. Вручу в пять раз больше, чем он попросит. В десять раз больше!

Ведь это просто игра. Они ловят меня, берут свою долю и отпускают. Они всегда в доле. Тот, кто об этом забывает, – круглый идиот. Никогда не следует забывать о том, что они в доле. У них есть семьи, дети. Жены, которые алчут мехов и золота. Внуки, за учебу которых нужно платить. И так далее...

Я уважаю закон. Я подкуплю его представителей со всем уважением. Я коррумпирую их не потому, что я плохой или злой человек. И не потому, что я преступник. Я за то их коррумпирую, что они посадили в клетку невиновного.

Потом кто-то невидимый, очень большой и строгий, несильно, но ощутимо обидно ударил меня прямо в лоб: ты же в тюрьме! Тебя посадили! Упрятали в камеру! Тебя подозревают в ужасном! Опомнись! Какой бизнес!

Какие деньги! А ты подумал о семье? О близких? Как они переживут такое? Что станет с женой и сыном? С матерью и отцом? Как они там будут теперь без тебя? Что ты наделал?! Что ты наделал??!! Что ты наделал???!!!

Глава 5

1

В последний раз я видел свою жену за двое суток до ареста.

Тогда мы поскандалили. Прямо у дверей. В прихожей трехкомнатной квартиры, арендованной мною за бешеные деньги у разбитной пенсионерки, фанатично любившей Сталина и йогурты.

Своего собственного жилья я так и не приобрел, несмотря на сверхприбыли. Не нашел времени.

– Ты не ночуешь дома! – приговорила меня Ирма. – А если приходишь, то в час ночи, постоянно пьяный! Ты шляешься по бабам!!!

– Не шляюсь, – возразил я, стараясь дышать в сторону.

– Шляешься!

– Не шляюсь.

– Шляешься! Шляешься!

– Не шляюсь! Не шляюсь! Мы изо всех сил старались поддерживать высокий уровень отношений. Договорились с первых же дней супружества, что у нас – самая лучшая в мире семья. Не такая, как все остальные. Мы сошлись не для пожизненных совместных манипуляций с пеленками и кастрюлями, а ради великой, самой великой, запредельно великой любви – таков был наш лозунг.

Однако движение к величию чувств сопровождалось величайшими же ссорами. Шум семейной жизнедеятельности разносился на километры. Упреки и претензии потоком сыпались с обеих сторон, оркестрованные звонкими пощечинами, плевками и ужасными проклятиями. В особо бурных случаях я ударом кулака пробивал сортирную дверь, а супруга любила выстрелить в окошко из газового револьвера или ловко похитить деньги, заначенные мною в томике Эдуарда Лимонова.

Иногда, глубокой ночью, соседи – дай Бог им здоровья – в попытке нас урезонить робко стучали по батареям отопления. Но на более решительные действия не решались. Ибо я, несмотря на то, что происходил из семьи интеллигентов, выглядел всегда как заправский уголовник: одевался в черную кожу, зачесывал назад смазанные гелем волосы и не брился по три-четыре дня кряду. Добропорядочные граждане, находясь в плену расхожих стереотипов внешности, опасались связываться с таким подозрительным типом. А вдруг рванет из-за пояса маузер и стрельнет?

– Все не так, любимая! – проникновенно начал я, разведя руки в жесте крайнего миролюбия. – При чем здесь бабы? До баб ли мне? Я скрываюсь! Меня ищет милиция!

Жена устало махнула рукой. Она выглядела несчастной.

– Тебя все время кто-то ищет! Милиция, или бандиты, или кредиторы, или другие идиоты, с которыми ты вечно связываешься на свою голову! Я устала от этого! Мне надоели твои шпионские игры!

Я гордо выпрямил спину. От выпитого шумело в голове.

– Да, я живу полнокровной жизнью.

– Это не жизнь, – произнесла Ирма. – Я не вижу тебя неделями. А когда вижу, меня тошнит от твоего пьяного храпа!

И я, и она разговаривали грубым свистящим полупшепотом. В соседней комнате спал наш ребенок.

– Пойми, – терпеливо продолжил я, – нами распоряжается наша природа. Я должен каждое утро идти и валить своего мамонта. А ты – его жарить. Вот и все. Если в процессе

погони за этим мамонтом я задержался на работе и выпил рюмку – что в этом страшного? И вообще, наш спор банален. Хватит.

Усилием воли я удержался от того, чтобы не икнуть.

Моя женщина вышла за меня замуж восемнадцати лет. В университетах не училась. Работала парикмахером. Ряд лет она была всерьез убеждена, что «банальный» – это неприличное слово, означающее «похожий на банан». С другой стороны, некоторая неосведомленность с лихвой компенсировалась природным напором и жизнелюбием. Не говоря уже о внешних данных. К тому же за пять лет супружества она здорово прибавила, ее тезаурус существенно увеличился, и сейчас она энергично возразила:

– Эти твои сказочки про мамонтов – вот они-то как раз и банальны! Не держи меня за дуру! Бегаешь по девкам – имей мужество признаться в этом!

– Не бегаю.

– Бегаешь!

– Не бегаю! Я наклонился, чтобы завязать шнурок. Из всех моих карманов беспорядочно посыпались на пол денежные знаки – в виде перетянутых резинками пачек и отдельных купюр, небрежно скомканных и смятых. Те самые деньги, ради которых я однажды пожертвовал нервной системой, своей и жены. Самую толстую пачку моя подруга в сердцах пнула носком домашней туфли.

Таких женщин хорошо бы сбрасывать на врага вместо ядерной бомбы, подумал я.

– Пошел вон, – сказала Ирма энергично, но несколько театрально, что сильно принизило пафос директивы.

– Я так и сделаю, – хладнокровно кивнул я. – Я вынужден... Отсижусь пару недель на другой квартире, а потом все уляжется, и я вернусь... Ты меня знаешь... И Мишу тоже... Дадим денег, сколько надо, и от нас отстанут...

– Вот-вот, – скорбно усмехнулась жена, – ты всем даешь денег, чтобы от тебя отстали. Ты даже мне даешь денег только для того, чтобы я от тебя отстала!

Я почувствовал себя виноватым.

Безусловно, разрушителем любви, семьи и самой идеи брачного союза выступает в конечном итоге всегда мужчина. В силу того, что он – разрушитель по своей природе. И тот, кто не понимает этой простой мысли, – не мужчина вообще. После каждого скандала я всегда первым шел на примирение, каялся, просил пощады, вставал на колени, срочно бежал за цветами и так далее. Вносился также и мощный штраф в твердой валюте.

Но реабилитироваться с каждым разом было все труднее. Все нервы и силы я оставлял в рабочем кабинете. Чем больше денег оседало в сейфе, тем меньше душевной энергии доставалось семье. Это понимала не только супруга, но и полуторагодовалый сын: если маму он воспринимал именно как маму, то папа, появляющийся через три вечера на четвертый, виделся чем-то вроде ходячего аттракциона. Клоуна, увешанного игрушками.

– Пошел вон, – твердо повторила жена и заплакала, некрасиво скривив полные губы. – Уходи. Уходи!

Я взял ее за плечи, но она резко отстранилась, повернулась ко мне спиной и побрела в комнаты, шаркая ногами по толстому свежескупленному паласу. Я остался на месте: сунул руки в карманы и прислонился спиной к двери.

Остаться здесь – небезопасно. У подъезда меня вполне может ждать милицейская засада. Босс Михаил предупредил меня о готовящемся аресте еще позавчера и отдал твердое распоряжение: временно лечь на дно; ночевать только в потайной квартире; днем из офиса не выходить.

Я все же прошел в комнату – по дороге нагнувшись и подняв с пола рассыпанные деньги – и сказал негромко:

– Мне очень жаль тебя. Я знаю, что делаю тебе больно... Мне тоже больно... Но мы с тобой не можем по-другому.

Ирма молчала. Смотрела в темное окно. Ее плечи вздрагивали.

– Хорошо, – смиренно поправился я, сжимая в руках разноцветные лохматые пачки. – Это я виноват. Это я не могу по-другому. Не мы, а я, персонально. Но ты тоже должна меня понять. В такой момент, как сейчас, я *должен много работать*. Чем больше, тем лучше! Круглосуточно! Я получаю сверхприбыли. Каждый день обеспечиваю нас на год вперед. Наше будущее само идет в руки! Как только я заработаю все, что нам нужно, я брошу все и посвящу всего себя...

Жена закрыла ладонями уши. Я замолчал, положил стопу мятых купюр на первую попавшуюся горизонтальную поверхность и вернулся к двери.

И – ушел, оставив плачущую женщину наедине с деньгами.

Подменил одно другим.

2

Лежа на твердом лефтортовском матрасе и перебирая в памяти подробности последнего разговора с женой, я проклинал себя самыми страшными средневековыми проклятиями. Схватил спутанные, уже немного сальные волосы, прокусил нижнюю губу и втянул смешанную со слюной каплю теплой крови. Пятьдесят раз назвал себя подонком и еще сто раз – свиньей, напыщенным имбецилом и помпезным говнюком.

Что я наделал? Зачем предал самых близких? А вдруг я застряну тут на долгие месяцы? Или даже на годы? Как они выживут без меня? Жена ни к чему не приспособлена. Она с семнадцати лет прочно привыкла к тому, что я все решаю, таскаю в дом деньги и еду. Что она станет делать теперь? Ей придется пройти через ад. Я был ее опорой. Я построил вокруг нее хрустальный дворец. Я дал ей комфорт. И зачем? Чтобы теперь оставить ее одну? Посреди этого сборища хитрых и жестоких гадов, именуемого «окружающий мир»?

Чудовищный комплекс вины перед любимыми людьми поглотил мое естество. Когда я вернусь домой, все будет по-другому, поклялся я самому себе. Больше никаких пьянок. Никаких полночных бдений возле мерцающего экрана. Никакой работы по сто часов в неделю. Только такой природный идиот, как я, и притом жестокий, может причинять боль собственной жене.

Но теперь я умный, меня вылечили лекарством под названием «баланда», – как только я вернусь, я немедленно упорядочу свою жизнь, и у нас – у жены и сына, у сестры, у мамы и отца – у тех, кого я люблю, все будет хорошо...

Маленькое, размером не более ладони, зеркальце было вделано в стену моего обиталища, над умывальником. Я приблизился, заглянул и увидел плавающую в желтом бульоне электрического света бледную, небритую физиономию. Нижняя губа кровоточила.

– Клясться глупо, – произнес желтолицый дурак с той стороны. – Не клянись. Не зарекайся. Ни от чего, никогда не зарекайся.

Да, я знаю. Обещать – последнее дело. Так принято считать меж умными людьми. Но я обязан, я не могу не пообещать самому себе – именно сейчас и здесь, в следственной тюрьме, в одиночке, – что я вернусь в семью совсем другим человеком. Спокойным, веселым, внимательным.

– А ты сначала вернись, – заметил желтолицый.

Сунув руки в карманы спадающих штанов, я принялся расхаживать от стены к стене. Время от времени останавливался и скреб пальцами колючую скулу. А иногда в сердцах ударял кулаком в каменную твердь каземата. Стена всерьез противостояла. Посмотрим, кто кого.

У меня есть мозги, у меня есть деньги – осталось придумать план.

Глава 6

1

В последний раз я давал взятку представителю закона за шесть часов до ареста.

Вечером того, последнего, дня я и мой босс крепко выпили. Прямо в нашем офисе. В бронированном, тщательно охраняемом, защищенном сигнализациями и видеокамерами подвале старого московского особняка, в километре от Кремля. Слева – Генштаб, справа – храм Христа Спасителя, а ровно посередине – он, наш подпольный банк. Контора без вывески и лицензии, без рекламы и названия.

Пройдя сквозь несколько смежных помещений (все двери стальные, замки сейфового типа), можно было увидеть в самой последней комнате пятисотметрового подвала несколько кресел из недорогого кожзаменителя и черный офисный стол, уставленный пустыми и полупустыми кофейными чашками, огромными пепельницами и еще более огромными калькуляторами. На такой замусоренный стол вполне можно положить усталые ноги, предварительно утопив твердый зад в кресле, налить себе потребного душе алкоголя и предаться полезному расслаблению.

Подошвы моих ботинок ярко-желтые, практически девственные. А где их портить, если везде ковры и коврики, паласы и паркетные – и здесь, и в доме, и в машине, и на даче?

Правда и то, что стол смотрелся непросто. На нем лежали зажигалки «Зиппо» и «Данхилл». Пачки сигарет «Парламент». Коробки сигар «Давидовф». Стояли бутылки «Чивас Ригал». Буквально везде были самые лучшие бренды, господа. Самые популярные, престижные и крутые этикетки маячили повсюду на нашем столе.

Видя мое взвинченное состояние – оно бывает у всякого, чьи портреты под грифом «его разыскивает милиция» вот-вот повсеместно расклеят, – мой босс и компаньон Михаил посоветовал мне сходить к девкам.

– Сходи, – сказал босс, произведя хороший глоток дорогостоящего ирландского самогона, – развейся. Это тебя освежит. Ты много пьешь.

– Ты пьешь больше, – заметил я.

– А мне, – Михаил снова отхлебнул и с хрустом разгрыз кусочек льда, – можно. Я тут, типа, главный. Отец-основатель.

Мне пришлось скромно опустить глаза в свой стакан. Босс, посмотрев мне в лицо, не нашел и следа какого бы то ни было протеста, бунта или несогласия.

Вообще, мы оба выпивали очень прилично. Однако Михаил имел значительную массу тела, и характер, и силу воли – такие люди много пьют, да мало напиваются. Для него не составляло труда взять на грудь ноль семьдесят пять за вечер. И при этом быть в порядке. Соответственно, я старался не отстать. Но босс посрамлял меня каждый раз.

– Я пью сколько хочу, где хочу и как хочу, – произнес он равнодушно, но очень твердо. – А вот тебе – много пить нельзя. Смени допинг. Перейди на женщин.

– А жена? – возразил хмельной я.

– Жена тут ни при чем.

– Сомневаюсь.

– Ладно. Мое дело – дать совет старшего... Босс давал советы часто. За три года совместной работы я выслушал их, может быть, тысячу.

Михаил Мороз был старше меня на четыре года, тяжелее на двадцать пять килограммов, выше на десять сантиметров, образованнее на три университетских курса и богаче на миллион долларов. Кроме того, он, без всякого сомнения, имел несравненно больше

таланта к коммерции. Жадный, жесткий, умный, он владел искусством подчинять себе людей. Я – не умел.

Приходилось признать, что у босса есть полное моральное право советовать мне, как действовать, чтобы избавиться от напряжения и страха, от неприятной сосущей пустоты внутри.

Вновь между двумя банкирами повис их общий страх.

Нас могут арестовать каждый день. ДЕЛО уже заведено. Ведется розыск. Мы должны немедленно закрыть бизнес, собрать вещички и скрыться. На два или три года. Уехать в глубокую провинцию. А лучше всего – за пределы страны.

Все зашло слишком далеко. Из наивных отчаянных дураков, сшибавших тышечки, мы превратились в других дураков – оперирующих миллиардами. Надо сворачиваться и бежать, иначе нас не только посадят, но и отнимут при этом миллиарды. Хорошо, если отнимут свои – тогда мы просто вернемся в ту же точку, откуда начинали. То есть – к нулю. А если пропадут не только свои, но и чужие деньги? Что тогда? Пуля в лоб?

Но вместо того чтобы бежать, мы работаем по шестнадцать часов в день, потому что ни у меня, ни у босса нет сил, чтобы отойти от конвейера, по широкой радужной ленте которого несется поток золота.

Утром мы опускаем в этот поток свои натруженные ладони и к вечеру вынимаем два килограмма, считая по четыреста долларов за тройскую унцию. И так каждый рабочий день. Понятно, что сама мысль о том, чтобы закрыть лавочку, казалась нам обоим совершенно дикой и никогда нами не обсуждалась даже в шутку.

– Дома тоже пьешь? – равнодушно спросил меня шеф, играя концом галстука.

Его галстук был минимум втрое дороже моего.

– Постоянно, – ответил я. – Трезвым – спать не ложусь. Михаил упер в меня мутные зрачки.

– Много пьешь?

– Да.

– На тебя смотреть жалко. Мне ты такой не нужен, ясно? Отдыхай, типа, так же, как и работаешь. По полной программе. Девки – обязательны.

– Давай отпуск. Шеф Михаил недобро ухмыльнулся:

– Ради бога! Собирайся прямо сейчас, Андрей! Таити, Маврикий, Гоа, Барбадос, Сейшелы – куда хочешь! Можешь покупать акваланг и гавайскую рубашу. Но поедешь только тогда, когда менты с хвоста соскочат... Не раньше. Ясно? А пока советую тебе устроить, типа, маленький Маврикий на дому. Это тебя освежит.

– Не уверен.

– Развейся, – просветил меня босс. – Расслабься. Возьми себе девчонку. Двух девчонок. Трех девчонок возьми!

Прокатись в центр и возьми себе самых, типа, хороших девчонок, какие только есть! Лучших! В любом клубе ночью их – сотни. Они назначат тебе, типа, цену. Заплати им вдвое больше, или даже втрое – и получишь то, что тебя расслабит и развеет...

Произнося фразы, Михаил вовсе не выглядел искусителем – он был мрачен и все время морщился, как будто от острой внутренней боли.

– Ясно, – сказал я, не удержался и зевнул. – А зачем переплачивать?

– Это важно, малыш. Девчонки будут приятно удивлены тройным окладом и приложат, типа, все старания. Три четверти их клиентуры – грубые бандиты и извращенцы. Но девчонки предпочитают культурных и щедрых мужчин. И они будут *работать*. Очень хорошо работать. Чтобы тебе понравилось. И в следующий раз ты снова пришел бы именно к ним...

– Интересно, – кивнул я. Вдруг, действительно, стоит попробовать?

– А откуда ты все это знаешь? Ты что, ходишь по ночным клубам?

– Иногда, – признался босс. – Когда ссорюсь со своей. Поссорюсь – и в клуб...

– Там же полно бандитов! А ты их ненавидишь.

– Это правда, – согласился Михаил, еще раз алчно отхлебнув. – Ненавижу. Всеми фибрами. Но терплю. А что делать? Где девки, там и бандиты. И наоборот.

Я промолчал.

– Поверь, – сказал босс, – когда человек нашего склада ссорится со своей женой, то поход к профессионалкам – одно из сильных средств, чтобы успокоить нервы. Они же все продажны. Все. И жены в том числе...

– Может быть.

– Это ни для кого не секрет. Сходи и узнаешь *степень* их продажности... Все любят деньги! – Михаил развел руки в стороны и потянулся – крепко, с хрустом костей. Его грудная клетка разошлась, став широкой, как бочка. – В стране, где женщины и представители закона продаются на каждом углу, нельзя верить ни во что, кроме денег! Верь в них, Андрюша, и успокойся! У нас в кармане – два лимона! Мы всех, всех купим! Всех! Ты вот ноешь – ах, что будет, я, типа, в розыске, меня посадят, – не ной, успокойся! В крайнем случае тебе дадут год. Ну полтора. Отсидишь с полным комфортом. Колбаса, журнальчики, книжечки... Я б сам пошел и отсидел, но как? Кого вместо себя оставить? Тебя, что ли? Ты же все завалишь. Ты импульсивен и слишком добр...

– Не вибрируй, – сказал я великодушно. – Отсижу и выйду. Лишь бы уцелел бизнес...

– Да, – убежденно произнес Михаил. – Это главное.

– А что касается баб, здесь ты неправ. Женщины продажны, пока есть покупающие их мужчины.

– Ну-ну. Я сильно потер глаза и сунул в рот очередную сигарету.

– А твоя жена, – вдруг сам собой выскочил вопрос, – знает о том, что ты ходишь по девкам?

– Точно не знаю, – проскрипел босс. – Думаю, догадывается. Она же не дура.

Вообще, он ценил свою супругу. Я замечал это много раз. В отличие от меня, босс Михаил никогда не кричал на жену по телефону и не грубил ей, если звонок заставал его в неподходящий момент.

– И что? – спросил я.

– Ничего. Мирится с этим, значит...

– Моя – не станет мириться.

– Дело ваше, – подытожил босс. – Встаем и уходим!

– Допьем.

– Нет. Хватит.

– По последней? Ни он, ни я не вышли из неподвижности. Рабочий день длиной в четырнадцать часов измотал нас до последней степени. Я ощущал в голове чугун, а в ногах вату.

– Встаем, – сказал босс.

– Допьем, – предложил я.

– Встаем!

– Допьем!

– Встаем! Старший товарищ победил; в который уже раз. Он раньше меня справился с минутой физической слабости. Он вскочил: резко, мощно поднялся, одним энергичным движением. Не встал, а выпрыгнул. Подавая пример мне – слабаку, подчиненному. Сопливному болвану, которого он некогда вытащил из грязи и пристроил к делу.

Однако попытка начать движение неожиданно закончилась для босса неудачей – его сильно повело в сторону, он взмахнул рукой в попытке ухватиться за что-нибудь надежное и обрушился на пол всем своим девяностокилограммовым телом. Я поспешил было

на помощь, но Миша Мороз уже вновь вернул самоконтроль. И теперь стоял, вытирая ладонью мокрый рот. Правда, я уже понял, что он пьян в лоскуты, мертвецки, – только сила воли удерживала его от потери сознания.

За последний месяц старший компаньон и отец-основатель сильно сдал. Заметно осунулся. Перестал посещать спортивный клуб. Много курил. Добавились новые жесты – например, по временам он принимался жестоко скрести ногтями собственный кадык. Это выглядело очень первобытно, по-животному. Даже голос стал иным. Еще месяц назад массивное широкоплечее существо рычало бархатным начальственным басом, ныне же из его горла выходил визгливый фальцет. Да, подумал я печально, а ведь он крепко напуган всем происходящим и явно боится тюрьмы гораздо больше, чем я. Долларовый миллионер, хозяин банка, девяностокilограммовый боксер Михаил боится.

Пьяные, усталые, в дорогих, но немилосердно измятых пиджаках, сжимая в зубах сигареты, потирая пальцами лбы и щеки, мы подошли к столу и задумались.

Перед нами в беспорядке лежали ключи – много связок ключей. Каждую украшал какой-то глупый, но массивный и выразительный брелок, нужный исключительно для того, чтобы не запутаться в россыпях фигурного никелированного металла. Каждому ключу соответствовала своя дверь, свой кусок пространства за этой дверью, своя собственность. Важно не забыть.

Вот ключи от квартиры, где семья, вот – от квартиры без семьи, вот – от двери в офис, а это – от второй двери в офис, вот от третьей, самой главной, двери в офис. Вот ключи от машины, от гаража, от второй машины, от личного сейфа, от корпоративного сейфа, от кабинета, от компьютера, от личной банковской ячейки, от корпоративной ячейки. Вот ключи от архива. Там тонна документов, за каждый из них я отвечаю головой. Вот ключи от квартиры, где живет сам архивариус. А вот ключи от загородного дома – мой сын, полутора лет, этим летом имеет возможность дышать не угарным газом мегаполиса, а чистым воздухом Подмоскoвья.

Отыскав-таки нужные отмычки, я двинулся к выходу. Попрощался с охраной. Два веселых парня с удостоверениями слушателей Академии Генштаба, в званиях не ниже капитана, с боевым опытом – офицеры государства Российского – кивнули в ответ и снова перевели взгляды на экраны. Шестнадцать экранов. Шестнадцать точек съемки. Вид справа, вид слева. С фасада. С торца. Глядите в оба, ребята. Не дай бог, прорвется злоумышленник, лихой человек, мечтающий покуситься на кровные миллиарды.

В конце концов я выполз в теплый, пахнущий всеми лучшими запахами, электрически напряженный городской вечер. Хорошо пронзить его в белых льняных штанах! Хорошо пройти, раздвигая грудью московскую темноту, – густую, сладкую. Хорошо также отправить к чертям собачьим босса Михаила, посылающего меня в тюрьму мановением длани, а также и весь бизнес, высасывающий душу, гнобящий совесть, – и без того она вся в дырах...

Но нет, нельзя; не сумею; не решусь. Пешки назад не ходят. Они или гибнут, или обрастают в могущественных ферзей.

Я отомкнул машину, сел и поехал. До Тверской улицы две минуты быстрой езды по полупустым дорогам.

Все меня гонят к девкам – и жена, и босс. Ладно, я попробую.

2

Далее – почти комикс, господа. Голый жесткий кич. Смачный и резвый. Навроде как японская манга, пацаны, только круче. На быстрой машине в глубины сверкающего рекламами города устремляется полупьяный самодовольный кретин с полными карманами денег. Не очень мускулист, но прищур хищен, а на губах – циничная усмешка. Он сплевывает

на горячий асфальт. Атмосфера намагничена. Вот-вот что-то произойдет: или его арестуют, или у него отсосут.

Он видит группу нужных ему тел. Курят, оттопырив зады. Одна или две оттопырили грамотно, прочие бездарны, но стараются. У всех, однако, точеные фигурки, длинные ноги, умопомрачительные каблукки. Циничный нувориш лихо тормозит. Мгновенно подпрыгивает «мамка»: регулировщица незамысловатого процесса обмена тел на золото. Толстая, некрасивая, взрослая баба в спортивных штанах с лампасами.

На улице шумно, и она почти кричит. Приценяющийся клиент – тоже. Ведь только что во время езды он оглушил себя музыкой до почти бессознательного состояния.

– А? Чего? – надрывается женщина. – Два часа – сто пятьдесят! На всю ночь – триста! Солидно, но развязно кивнув, клиент нажал на газ и умчал в темноту.

Ура! Первый шаг сделан – я *приценился*.

Дальше – к центру, вниз по Тверской, оставляем справа «Интурист», Центральный телеграф, уходим влево, огибаем гостиницу «Москва», оставляем слева Большой театр – и вверх, к Старой площади... Правый поворот – мимо Политехнического музея, к подножию гостиницы «Россия», вдоль него, снова направо – и вот я на набережной. Слева – черная московская вода, справа – красная кремлевская стена. Ухожу перед Большим Каменным мостом вверх.

Проплывает мимо чугунная ограда родного, овейанного легендами, фантастического, единственного в мире Факультета Журналистики.

Когда-то я гордился тем, что я его студент. Теперь все не так. Давным-давно, в прошлой жизни, во времена Совдепии, работа в газете считалась престижной, хорошо оплачивалась. Теперь репортер – голодранец и мученик. Я бросил любимую профессию – почему мне не жаль? Потому что профессия перестала быть доходной? Значит, я любил не профессию, а деньги? В очередной, тысяча первый раз я признался себе, что без денег и успеха не мыслю своей жизни, разозлился и вдавил педаль газа до упора.

Но чу! – противник не дремлет. Из чернильной ночной тени выскакивает фигура в синем, машет полосатым жезлом. Для удобства участников дорожного движения жезл светится. Не заметить его невозможно. Я послушно останавливаюсь и энергично покидаю авто.

Нынче модно делать по-американски: сидеть за рулем, не двигаясь, ожидая, когда инспектор сам приблизится, и затем разговаривать с ним через открытое окно. Страж закона стоит, переминаясь с ноги на ногу, водитель же утопает в мягком кресле. Но мы не в Калифорнии, мы исповедуем другой стиль общения – имперский. Мы уважаем и закон, и слуг его. Мы всегда готовы, со всем уважением, дать этим обветренным краснолицым беднякам немного денег. К тому же я пьяный.

Широко распахнув дверь машины, я ловко и незаметно проветриваю салон, освобождая его от алкогольных паров.

Но дядя в синей форме оказался не глуп; он сразу все почуял и понял.

– Что же вы, товарищ водитель?! – попенял он мне. – Употребляете?!

На улице шумно. Страж закона почти кричит, и пойманный нарушитель тоже. Ведь только что во время езды он оглушил себя музыкой до почти бессознательного состояния.

– Виноват! – покаялся я, мужественно развернув грудь. – Был грех, товарищ капитан! Уплачу штраф на месте. По таксе.

Офицер повертел в руках мои документы.

– А где водительское удостоверение?

– Не имею! Страж порядка плотоядно рассмеялся.

– Пройди в машину, – распорядился он, показав в густую тень за своей спиной, из которой сам появился минуту назад.

Там, в плохо освещенном месте, в проулке меж двумя глыбами сталинских пятиэтажек, мне наконец стали видны хитроумно сокрытые от шоферских глаз милицейские «Жигули». Я осторожно приблизился. Внутри сидел второй инспектор. Диалог повторился почти слово в слово.

– Что же ты, а? Управляешь транспортным средством выпивши? В алкогольном опьянении?

– Бывает, товарищ майор.

– Я лейтенант. А где права?

– Не имею. Им всем очень нравится это мое короткое «не имею».

Вообще, если ты готов платить по таксе, говорить следует лапидарно и по существу.

Насчет опьянения наивный блюститель серьезно ошибся. Опьянение присутствовало – но никак не алкогольное. Меня опьянил не алкоголь, а деньги. Сегодня я заработал шесть или семь тысяч. Точная сумма будет подсчитана в ближайшие выходные. Хороший день, удачный – такие дни я всегда заканчивал стаканом виски, вместе с боссом. Уж больно нервный у нас был бизнес. Зато – выгодный. Эта вот самая выгода, непрерывно материализуясь внутри наших сейфов и карманов как пухлые пачки банкнот, по преимуществу американских, и пьянила меня, щекотала нервы, теребила особые, потайные, тонкие внутренние струнки, туманила сознание лучше и глубже любого спиртного напитка.

– Что скажешь?

– Внесу штраф на месте. По таксе. Последовали раздумья. Широколицый блюститель снял фуражку, достал из-под тульи тщательно и тонко свернутую белую тряпочку, служившую, очевидно, для впитывания излишнего пота, и перевернул жгут так, чтобы он лег на милицейское чело сухой стороной.

– Штраф-то он штраф... – пробормотал блюститель. – А как я тебя, такого, дальше пропущу? Там у «Метрополя» еще один пикет стоит, и выше по Тверской... А ты пьяный, да еще без прав... Денег, что ли, много?

Не теряя времени, я показал особую, приготовленную как раз для таких случаев, пухлую пачку мелких долларовых купюр, с преобладанием пятерок и десятков. Купюрки сплошь новые. Всего несколько сотен, а выглядит внушительно.

Инспектор посмотрел на забугорные дензнаки с вожделением, однако нимало не роняя чести мундира. Его месячное жалованье равнялось моему доходу примерно за полчаса работы. Мы оба это понимали, и все происходящее казалось в высшей степени справедливой акцией как мне, сопливному яппи, так и ему, – пятидесятилетнему слуге закона.

– Зарывайся в поток, сынок, – дружелюбно напутствовал он меня, прощаясь. – Будь осторожнее...

Справедливости ради надо сказать, что в круговороте протитирующих существ соблюдался определенный порядок, тоже имперский. Если доступные женщины гужевались все-таки на некотором отдалении от кремлевского укрепрайона, примерно в километре, то представители власти действовали более смело и открыто, снимая свой бакшиш на расстоянии какой-нибудь сотни шагов от той башни, где когда-то днем и ночью горел свет в легендарном окошке товарища Сталина.

3

...Понемногу размышления лефортовского арестанта насчет коррупции снова стали съезжать к похабным, но красочным воспоминаниям поисков сговорчивой девушки.

Но вдруг вторглась реальность и страшно наказала меня – и за мои поступки, и за мысли. Открылся дверной люк. Женский голос спросил:

– Рубанов есть?

– Есть, – ответил я.

– Вам передача. Принимайте...

Мне протянули список. Я увидел почерк жены.

Через прямоугольную амбразуру мне стали просовывать пакеты, свертки и кульки, а также отдельные вещи. Приняв в руки очередной транш, я бросал его на голый синий металл ближе к мне кровати и спешил за новой порцией богатства. Я засуетился. Я бегал, спешил и пересчитывал. Мешок шел за мешком. Все было по-женски аккуратно завернуто; сахар и чай, кофе и сигареты для надежности помещены сразу в два пластиковых пакета, тщательно завязанных тугими узелочками. Мелькали фрукты и белье, спички и блокноты. Я получил штаны и тапочки, посуду и мыло, тетрадки и авторучки, а также всю еду, которую может иметь человек, сидящий за решеткой. Включая фрукты. Я получил сало и хлеб, лук, чеснок и колбасу, сыр и яблоки, апельсины и бананы.

Последний пакетик, самый маленький, завязанный двумя узлами, содержал в себе несколько носовых платочков, кружевных, женских, совсем крошечных, палево-розового цвета; я рванул зубами прозрачный пластик и уловил запах духов – ее, моей любимой, духов – острый, тяжелый, горький.

Здесь я не выдержал. Я погрузил свое сизое, напряженное рыло в этот запах, и проклял себя, и завыл – от бессилия все исправить, отлистать назад чертов комикс, от невозможности хотя бы разрыдаться над всем этим милым барахлишком, которого каких-нибудь два часа назад касалась руками моя женщина.

Но Бог не дал мне слез.

Я – похотливый гаденыш. Мразь. Одиозный троглодит. Пес. Животное. Апокалиптический кретин. Обмылок человечества. Недалекий обормот. Безумный мизерабль, бесконечно падающий в яму своей подлости.

Я – экзальтированный мудила. Первобытный остолоп. Продавец и покупатель собственной бессмертной души. Амбициозный скотоложец. Шлемазл, трупоед и вырожденец. Неподмытый дикарь. Обезьяна. Пресмыкающееся. Склизкий выползок. Глупец и подлец.

Я – последний из последних. Я сам себя обесценил донельзя. Я предал свою любовь, и заодно – все самое светлое и дорогое. Я попаду в ад.

Если теплым летним вечером выходного дня, прогуливаясь по дорожкам парка культуры и отдыха любого провинциального русского городишки, рискнуть и зайти в общественный туалет, то сей же миг можно лицезреть там многочисленные кучи дерьма. Они огромны. Неизбежен приступ гордости за национальный генофонд – такое чудесное, мощное дерьмо могут исторгать из себя только очень здоровые и сильные молодые организмы. Экскрементами покрыт каждый дециметр дощатого пола. На более старые, окаменевшие, почти не пахнущие фекалии, покрытые во многих местах особой серой плесенью, наслаиваются новые, мягкие и более светлые. Над этим вполне живописным дерьмом, поистине достойным кисти Лотрека, кружат мухи: две или три большие, навозные, с глянцевыми изумрудными телами, и десяток обычных, черно-коричневых, более подвижных.

Так вот: я – хуже этого многослойного цветного дерьма, много хуже. Настолько же хуже этого дерьма, насколько само дерьмо хуже его полного отсутствия.

Глубина моего падения чудовищна, и сам я – чудовище.

Я не только оставил жену на произвол судьбы, оказавшись под следствием, в тюремной камере. Я дополнительно, в виде бонуса, предаю ее, когда сижу в этой камере и тешу себя воспоминаниями о своих амурных уличных похождениях. Я не просто предал любимую женщину, но предал в двойном размере, в кубе. И на деле предал, и в мыслях. Предал так, как никто никого никогда не предавал.

Вдруг все исчезло. Человек-дерьмо застыл. Его глаза, до того бессмысленно шарившие по груде одежды и еды, наткнулись на чрезвычайно заманчивый пакетик – туго набитый, весело отсвечивающий гладким целлофаном.

Я не переставал осыпать себя проклятиями. Но теперь это происходило уже как бы само собой, автоматически, – внимание же мое полностью оказалось приковано к мешочку, наполненному коричневым. Я рванулся к столу, где хранил посуду, наполнил водой кружку и опустил матово-серое жало кипятивника. Далее поспешил обратно, к пакету, взял его и некоторое время поиграл с ним, мял его руками, слушал, как под пластиком шуршат маленькие гранулы. И почувствовал, что мои губы сами собой раздвинулись в стороны в сухой улыбке.

Кофеин – один из моих ближайших друзей. Я регулярно употреблял его шесть лет. Сначала трижды в день – утром, в обед и вечером. По чашке. Потом появился кое-какой вкус и кое-какие деньги, и теперь я пил уже не растворимый, а только вареный, по-турецки; покупал пакетами, в зернах, сам же их и молот. Утром я делал себе две чашки, одну за другой, в обед выпивал еще две, вечером – одну. На ночь тоже обязательно выпивалась маленькая чашечка. На этом этапе появился офис. Своя комната, своя дверь, свой стол, стул, шкаф, компьютер, телефон. Пристегнуть к этому набору кофеварку – святое дело. Доза резко возросла – я включал машинку каждые полчаса. Дальше – больше: через два года я пил тем же темпом, только опять сваренный по-турецки – его мне таскала секретарша. Утром я приказывал ей считать выпитые мною за день чашки. Потом подвел статистику. Выяснилось, что я жрал яд лошадиными дозами. Но это меня не остановило.

Еще через год, работая с восьми утра до десяти вечера, я с одинаковой жадностью заглатывал и вареный, и растворимый, каждые пятнадцать-двадцать минут. Утром и поздно ночью, дома, я изготавливал особо сильный состав: двойная порция хорошо смолотого порошка заливалась минеральной водой, в таком виде доводилась до кипения, вместо сахара добавлялась соль – в общем, напиток выходил убийственно горький, но зато он, как хлыстом, постегивал нервы. На то он и стимулятор.

Мои зубы покрылись янтарно-желтым налетом. Его невозможно было отчистить. Запах кофе я ощущал даже при мочеиспускании.

Сейчас, щедро засыпая снадобье в воду, размешивая ложечкой дымящуюся жидкость с выступившим сверху кольцом снежно-белой пены, опуская в эту пену четыре куса рафинада, я втянул мелко подрагивающими ноздрями любимый аромат и засмеялся от вожделе-ния.

Я сразу сделал несколько больших глотков. Опустошил полкружки. Хлебал, как воду. Прошло несколько томительных секунд, и вот – миллион маленьких иголок воткнулись в мозг. Головокружение; немного пота, выступившего на лбу. В глазах потемнело. Я нащупал рукой стену, оперся о нее и сел. Перед глазами завертелись десятки разноцветных ярких звезд – они мерцали и оставляли за собой извилистый, мгновенно гаснущий след.

Кофеин – наилучший яд из всех, мной опробованных. Его не нужно вдыхать в виде дыма, уродуя бронхи и легкие. Его не втягивают в ноздри. Он не превращает тебя в ограниченное животное, как алкоголь, или в медленное растение, как каннабис. Он не уносит в извилистые многосмысленные пространства, подобно галлюциногену. В его приготовлении и употреблении есть благородство. Если когда-нибудь светлая голова составит периодическую таблицу ядов, то кофеин попадет в ее золотую середину.

Яд немедленно возбудил психику. Пронеслись, как шумные поезда, какие-то очень полезные мысли. Возникли и тут же исчезли какие-то идеи. За последнюю из них я ухватился, запустил руки в сверкающие целлофаном сокровища, нашел авторучку, тетрадку, рванул с треском несколько листов, сдвинул в сторону пустую кружку, сел поудобнее и написал:

НАЧАЛЬНИКУ СЛЕДСТВЕННОЙ БРИГАДЫ ГЕНЕРАЛУ ЗУЕВУ.

Чуть ниже, подумав – снова все в мозгу бешено понеслось, – я крупно вывел:
ЛИЧНО.

ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ! ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЗАСТАВЛЯЮТ МЕНЯ ПРОСИТЬ ВАС
О ВСТРЕЧЕ, ГДЕ Я НАМЕРЕН СООБЩИТЬ ВАМ ВАЖНУЮ ИНФОРМАЦИЮ, КАСАЮ-
ЩУЮСЯ РАССЛЕДУЕМОГО ВАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.

Это заявление будет отправлено через двадцать восемь дней, решил я. Когда истечет
месяц моего срока. Генерал, возможно, отпустит меня и так, без личной беседы, без взятки –
просто потому, что у него нет доказательств моей вины. Но если он отпустит только босса,
а меня посадит, то заявление ляжет к нему на стол уже на следующий день.

Генерал снимет трубку телефона и распорядится доставить арестованного.

Меня привезут, и я начну. Примерно так:

Товарищ генерал! В одной хорошей песне есть слова: «Никто не даст нам избавленья –
ни Бог, ни царь и не герой...»

Помню песню, благосклонно ответит бонза Зуев. Продолжай, сынок.

И дальше там поется: «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой!». И эта
рука не будет пуста! Рука дающего не оскудеет...

Нет, сказал я себе. Неправильно. Нельзя начинать издалека. Лучше сразу перейти
к сути.

Я знаю, что я не прав! Много раз нарушал я законодательство и готов понести наказа-
ние. Я уплачу штраф. Мне все равно, в чей карман. Мне в этом разбираться неинтересно
и некогда. Могу в два кармана, могу в три – сделаю так, как скажете. Государству платить,
или частному лицу, или в фонд, или на счет в швейцарском банке – мне без разницы. Мне
надо, чтобы меня оставили в покое...

Да, кивнул я, закрыв глаза и попытавшись вообразить всю сцену. С генералом следует
обойтись, как с дорожным инспектором, взявшим у меня купюрку в обмен на снисходитель-
ность. Изложить предложение прямо, просто, в доступной форме, дружелюбно мерцая гла-
зами.

Я не выдержал и срочно сделал себе вторую кружку кофе. Выпил ее большими жад-
ными глотками. Металл был горячий, губы жгло, я дул, отплевывался, но не остановился,
пока не выхлебал все. И тут же закурил сигарету. На жаргоне поедателей ядов это называ-
ется «догнаться». Запустить в организм сначала один яд, потом сразу другой.

Теперь дальше: смотреть – только в глаза! Улыбаться или нет? Там видно будет. Какую-
нибудь шуточку нужно вернуть обязательно. Но не сразу. Иначе генерал подумает, что я
перед ним заискиваю. Жестикуляцию дадим энергичную, но умеренную.

Стенное зеркальце было совсем крошечное – мне приходилось вплотную приближать
к нему лицо, чтобы увидеть свое отражение и составить мнение о том, убедителен я или нет.

Будет ли убедителен человек, с которого падают штаны и ботинки? Мальчишка-аре-
стант, похожий на позорного, несмешного клоуна из дешевого шапито? Вдруг генерал уви-
дит перед собой не бескомпромиссного, жесткого капиталиста, а жалкого небритого юнца
с торчащими волосами?

Каждые несколько минут я слышал со стороны двери легкий скрип и стук – это открыва-
лась заслонка, и через забранную толстым куском прозрачной пластмассы дыру на меня
смотрел дежурный вертухай.

Безусловно, перед тем как пойти на разговор к Зуеву, я должен выпить три или четыре
кружки кофе. Пусть я буду выглядеть возбужденным. Пусть дрожат руки и голос. Ничего
страшного. Каким же еще должен быть мальчишка, урвавший где-то куш и предлагающий
взятку большому милицейскому начальнику?

Неужели ты не понимаешь, генерал, что я все равно дам тебе денег? Если не тебе, так твоим подчиненным. Или подчиненным подчиненных. Вассалам твоих вассалов. Среди вас обязательно найдется какая-нибудь скотина, которая возьмет у меня деньги и облегчит мою участь. Предаст всех вас, за купюры. И такую мразь я буду искать активно, но осторожно, тщательно, неустанно – пока не найду. И мой босс будет искать. Адвокаты, друзья и покровители тоже поищут. Я ведь сделал свои деньги не один, на необитаемом острове. Я встроен в систему, и она поддержит меня.

Зря, товарищ генерал, ты так со мной обошелся! Я делаю деньги не для того, чтобы проматывать их по Ниццам, Барбадосам и прочим Флоридам. Я сладкого не люблю. У меня и загранпаспорта нет. Никуда не езжу. И не уеду. Деньги на ветер не спущу. Отберешь их все – я заработаю новые. Не волнуйся, Зуев. Капиталы были и будут вложены здесь же, в моей стране, у тебя под носом. Мои деньги останутся в России, потому что я хочу, чтобы у моих внуков было много умных и интересных друзей и единомышленников, говорящих на одном с ними языке! Так что я не мразь, не подонок. Ты ошибся, генерал. Возьми деньги и отпусти меня домой.

Так – в клятвах, в сомнениях, в тумане лишних мыслей, в муках совести – прошел мой первый полный день в следственном изоляторе.

Глава 7

1

На тюрьму мне наплевать. Я силен и крепок. Слишком крепок для лефортовских казематов – стерильных, как роддом. Это стало ясно уже на третий день.

Тюрьма, впечатлявшая бородатых классиков русской литературы, на поверку оказалась санаторием. Здесь мне ежедневно давали кашу, сваренную на молоке. Желали «спокойной ночи». Принесли каталог книжек местной библиотеки. На прогулку – со второго этажа на четвертый – возили в специальном лифте. Лифт надвое разделяла толстая стальная сетка. В одной половине находился конвоир, в другой – я.

Спать можно было хоть целый день. Окончательно выпавшись – на это ушло около суток, – я понял, что мне совершенно нечем себя занять. Единственным доступным видом деятельности оказалось размышление, и большую часть дня я расхаживал, погруженный в думы, в одних трусах и тапочках, взад и вперед по пространству своего зарешеченного обиталища. За тридцать дней я выплусь и отдохну впрок на долгие годы, весело прикидывал я. Кому тюрьма, а по мне Лефортовский следственный изолятор – натуральный дом отдыха. Тихо, солнечно. Сиди, пей чай, кури. Строй планы.

Может быть, в какой-нибудь средневековой темнице, лет шестьсот назад, будучи подвешен на дыбе, с зажатыми в раскаленных клещах половыми органами, я бы сдался. Но на дворе – самый конец двадцатого века. Только что в мою камеру заходил прокурор по надзору и деликатно спрашивал, нет ли жалоб и претензий. Я улыбался – мне было стыдно. Прокурору пятьдесят лет, мне – двадцать семь. Он – слуга закона, а я – нувориш и ловкач. В моей продуктовой передаче – копченое мясо и красная рыба, бананы и киви. Меня так и подмывало пригласить прокурора разделить со мной завтрак.

Прокурор – опытный человек, и он явно понял, что со мной нужно поостороже. Меня следует мучить, терпеливо и умело. Втроем или даже вчетвером. Старательно вершить таинство пытки. Вырвать мне ногти. Сначала на руках. Затем, если понадобится, на ногах. Бить сапогом по лицу. Спилить зубы напильником. Пустить по вене пентанал натрия. Тогда я, наверное, что-то скажу. Сообщу следствию всю информацию. Признаюсь. Расколуюсь. Дам показания по существу дела.

Но нет. Все иначе. Слуги закона улыбки и культурны. В шесть утра дежурный вертухай говорит мне «доброе утро!», в десять вечера – «спокойной ночи».

Я взаимно вежлив. Мне нетрудно. Ваша тюрьма мне – не тюрьма...

2

Утром дверная дыра раскрылась.

– Как фамилия? – донеслось оттуда.

– Рубанов.

– На вызов!

– Не понял?..

– Оденьте штаны и выходите.

– Куда?

– На вызов.

– Куда меня, командир? Кто вызывает?

– Не разговаривать! Лицом к стене!

По стальному настилу второго яруса я прошел до середины галереи. Здесь она расширилась в зал. С высоты я увидел центр управления всей тюрьмой. Человек в камуфляже

сидел, положив локти на массивный, серого металла пульт, смотревшийся поистине как челюсть древнего мамонта: угловатый, с рядами огромных разноцветных кнопок, он был изготовлен минимум полвека назад. Надежная, вручную сработанная техника Совдепии. Кнопки из крепчайшей пластмассы, каждая – как лошадиный глаз. Толстые провода чистойшей меди. Клеммы размером с партбилет. Такая аппаратура будет работать вечно. Она не откажет, если ее залить водой, кровью, рвотными массами. Управлять ею может всякий восемнадцатилетний солдатик. Он не промахнется мимо кнопки никогда. Даже если рядом, в лефортовском парке, рванет ядерная бомба, электричество все равно пройдет по проводам, блокируя дверные замки. Не дай Бог, под шумок атомной войны враги государства разбегутся!

Из галереи я попал в совершенно пустую комнату без окон, где подвергся тщательному обыску. Контролер прохлопал все тело, сквозь одежду; заставил снять тапочки, помял их и изучил; тщательно прощупал поясные резинки трусов и штанов, каждую отдельно; а напоследок заглянул даже в мой рот.

Жара все никак не хотела покинуть большой город, раскаляла его квадратные камни, плавил, сгущала воздух, нагружала головы людей тяжестью. От конвоира доносился запах потеющего тела. Коридор следственного корпуса протягивался вялым сквозняком, здесь я еще подышал, но в кабинете – все увиделось дрожащим, переливающимся, медленно сползающим вниз. В душном мареве реяли физиономии двух – самых важных для меня теперь – мужчин. Один полагал своей задачей поместить меня в тюрьму, второй – спасти от нее. Один улыбался профессионально приветливо, второй самонадеянно скалился, имея целью обнадежить меня, своего подзащитного.

Только тот не спешил обнадеживаться.

– Все в порядке? – сразу спросил меня Рыжий.

– Нормально, – ответил я, садясь боком. – Отоспался на три года вперед. А вам как отдохнулось, гражданин начальник?

Хватов поджал губы.

– Не надо, это самое, надо мной шутить. Я тебе не враг, Андрей. Очень может быть, что ты – ни при чем. Возможно, тебя в самом деле подставили. Не стану врать: крупных, это самое, улик против тебя нет. Но зато у меня есть, это самое, начальство. Оно отдает приказ, и я работаю, ясно? Мое дело – протокол, это самое, на стол положить. И высказать свои соображения.

– Это не шутка, – возразил я. – Это вопрос. За что я сижу? Зачем вы меня посадили? Из опасения, что я убегу? Так я не убегу. У меня семья, маленький ребенок, отец и мать. Мне бежать некуда...

Из раскрытого настежь, зарешеченного окна, выходившего, очевидно, во внутренний двор здания, доносились дуновения горячего ветра и звуки внутритюремной хозяйственной деятельности: перекликались люди, заводились автомобильные моторы, кто-то с грубыми ругательствами ронял какие-то ящики, оглушительно и хрипло лаяли конвойные псы, гремели открываемые и закрываемые двери.

Вдруг мне показалось, что я сижу не третьи сутки, а уже давным-давно, и сидеть мне предстоит не месяц, а долгие годы, до самой старости. Эти матерные выкрики издалика, исцарапанные письменные столы, шершавые подоконники, темные и унылые цвета – бурозеленый, грязно-желтый, светло-коричневый, – прогибающиеся доски пола, разошедшиеся дверные косяки, насадный рев и треск изношенных моторов – все было продолжением той вселенной, которая когда-то породила и меня самого.

Дремотная, поскрипывающая Азия. Размалеванная дикарскими красками Совдепия.

– Скажите, Степан Михайлович, – с чувством спросил я, – зачем вам меня *сажать*? Это же невыгодно. Исчислите все суммы, недополученные бюджетом. Прибавьте штрафы.

И я – все выплачу. На это, может быть, уйдут все мои деньги, до последней копейки, но и черт с ними. Я заработаю еще. Зачем – сажать, а? Лишать свободы? Посадили – теперь я не отдам ничего! Ничего, понимаете? В кодексе мой грех стоит три года общего режима. Как-нибудь перетерплю. И выйду – злой, опозоренный, но с деньгами. И окончательно превращусь во врага государства, вечного оппонента администрации, озлобленного, явного негодяя. Зачем сажать?

– Значит, так надо, – терпеливо ответил Хватов. – Ты, я думаю, накуролесил больше, чем на три года. Вел деятельность без лицензии. Отдельная, это самое, статья. До пяти годов, между прочим...

– Да, – согласился я мрачно. – Об этом я не подумал...

– А и не надо. За тебя все, это самое, уже придумано. Пять лет. – Хватов посмотрел на меня. – Что ж ты, это самое, не купил ее, а? С твоими, это самое, деньгами?

– Банковскую лицензию? – удивился я. – А зачем она нужна? Цена ее – десятки тысяч долларов, и год ее надо бегать и выбивать, собирая по кабинетам подписи. Проще и дешевле подделать документы. Сделать вид, что я вообще не банк, а торговец памперсами и сникерсами. Если я буду годами ходить по инстанциям, собирая лицензии и разрешения, я ничего не заработаю...

Рязанский уроженец осуждающе покачал головой.

– Но так тоже нельзя, это самое! Совсем уже ничего государству не платить, все оформляя через подставных людей! Жадность, это самое, фраера губит...

– А, понятно, – улыбнулся я. – Вам обидно, что я вовремя не купил разрешительную бумажку. Цареву грамотку! Не внес долю! Не поделился. Ладно, теперь вы поймали меня за руку, ударили по ней, больно, – это я уважаю. Наверное, так и надо. Может, я и пожадничал. Но что же теперь? Вместо того чтобы получить с меня сполна, вы меня закрываете на замок? Для чего?

Взглядом я выразил свою честность и открытость, сообщил положительную энергетику, попытался послать глазами прямо в лоб своему клетчатому земляку заряд веселой силы и уверенности в собственной правоте.

Нельзя обмануть человека, сидя к нему боком. Позавчера, на первом допросе, мне пришлось тяжело. Но сейчас я обнаружил между стенкой стола и моим, привинченным к полу, табуретом узкую, чуть шире сигаретной пачки, щель и в эту щель просунул свою правую ногу, ниже колена. Благодаря при этом Бога за то, что все мужчины в моем роду – худые, сухощавые, с минимумом твердого мяса на тонких костях. Теперь нижняя часть моего тела располагалась на табурете уже никак не боком, а вполоборота. Оставалось повернуться в поясе еще на пол-оборота вправо, чтобы достичь своей цели: утвердиться фронтом к собеседнику. Так сидит перед объективом телевизионный диктор.

Устроившись как следует, я мог исполнять обман со всеми удобствами: развернуть плечи в позицию «мне нечего скрывать», а также положить на стол ладони – следовательно обязательно должен их видеть. Ладонями удобно посылать скрытые сигналы. Для этого нужно держать их на ребре, перпендикулярно поверхности стола, все время разворачивая наружу и продвигая их в сторону собеседника, как бы загребая воздух, как бы толкая большой шар. Пропихивая свой обман в пространство, посылая своим речам, звукам своего голоса дополнительный импульс. При этом я не забывал делать нажим не только руками, но и верхней частью корпуса, – наклоняясь к Хватову, приближая к нему свое лицо.

Изо рта у него не пахло. Это явно говорило о том, что умный дядя никогда не забывает вовремя позавтракать и пообедать. Следовательно, он человек спокойный, во всем знает меру, тяготеет к порядку, и мозг его такой же – действует четко, не отклоняясь в стороны от поставленной основной задачи.

И этот мозг – признался я себе, внутренне поеживаясь, – опасен. Он изобличит меня, отчаянного лгуна, как только я допущу малейшую ошибку.

– Скажите тому, кто решает, – хрипло продолжил я, под напряженным взглядом рыжего адвоката, – что подследственный Рубанов – уже созрел. Хочет чистосердечное признание написать, по факту неуплаты налогов в царев карман. И готов все немедленно выплатить, даже если ему придется стать нищим. Но – только тогда, когда окажется на свободе! Хватов официально кивнул.

– А припутать меня к краже из казны нельзя, – сказал я твердо, в очередной раз загребая ладонями и наклоняясь, просверливая следователя взглядом, слегка улыбаясь, гипнотизируя, внушая, вталкивая в его сознание свои слова. – Я ничего не знал. Меня подставили, и точка!

ДЕЛО, лежащее на столе, выглядело заманчиво.

Я сразу же попытался вспомнить, сколько именно долларов содержала пухлая пачка, оставленная жене. Пожалуй, тысяч десять там будет. Если рыжий адвокат сегодня же встретится с Ирмой, и возьмет у нее деньги, и отдаст их Хватову, то завтра я прочту все, что мне надо. Не предложить ли близорукому рязанскому флегматику этот план прямо сейчас? Простая сделка: сегодня вечером – пять тысяч долларов наличными, завтра днем – пять минут наедине с документами...

Нет, решил я, мне надо выбирать самому, а не тащить из семьи последнее. Босс выйдет через двадцать семь дней – и тогда я не буду испытывать недостатка в долларах.

– Будешь давать показания? – осторожно осведомился Клетчатый.

– Показаний не будет, – сказал я. – Это твердо решено. Трясите тех, кто меня подставил. Министра, аптекаря, кого хотите. А я – пас.

Хватов помедлил.

– Ты, Андрей, крутой, это самое, парень. Мы посмотрели твои выписки, это самое... документы изучили. Через тебя каждый день проходили миллиарды. Как же тогда тебя не побоялись подставить? Немного непонятно. С хозяином таких миллиардов я бы побоялся, это самое... конфликтовать...

Вопрос получился острый, плохой, и я опять оценил трезвый и рациональный разум милицейского функционера – в общем, далекий от нравов столичного бизнеса, он правильно думал о нем, как о стае хищников, где сильных все боятся, а слабых – рвут на куски.

– Не надо преувеличивать, – поспешно ответил я. – Мои миллиарды – не мои, а чужие. Моя работа – их таскать, туда-сюда ловко перекладывать. Инвестиции, валюта, депозиты, государственные ценные бумаги и так далее. Деньги любят обращаться. Один прибежит – купи вексель. Другой – обменяй марки на фунты. Третий хочет перечислить дочке в Англию, на карманные расходы. Четвертый – разругался с компаньоном, желает всю долю живыми деньгами, наличными в карман.

Я не врал. Все так и было. Глупо отрицать очевидное. О деталях работы я мог трепаться часами. Обман заключался в самой теме разговора. Темы должен был подбрасывать я – одну за другой, без пауз. Иначе Хватов наконец догадается спросить у меня напрямик, работал ли я один или с кем-то в команде.

– Не надо думать о моей крутизне, – я улыбнулся. – Таких как я, в городе несколько сотен. Я, может, и крутой, но не незаменимый. За мной никого нет. Такого дешевле и проще – *завалить*.

Хватов серьезно кивнул и стал собирать свои вещи.

– Вот ты и ответил на свой вопрос, – вдруг сказал он.

– На какой именно?

– Зачем тебя – сажать. Может, это самое, тут тебе безопаснее? Ты об этом не думал?

Озадаченный, я отрицательно качнул головой. Адвокат быстро спросил:

– У вас есть конкретная информация?

Следователь осторожно взял двумя руками ДЕЛО и аккуратно, углом вперед, стал засовывать в свой дерматиновый полупортфель-полубаул.

– Нет, конечно. Но на месте Андрея я бы остерегся... Все, господа! Оставляю вас, это самое, одних. Десяти минут хватит?

Я и Рыжий одинаково нетерпеливо кивнули.

3

Размышляя о том, как бы получше обмануть человека и стоящую за ним государственную машину, защищающую, по идее, всех честных людей, я вовсе не ощущал себя подонком, расчетливым мерзавцем. У меня хотят отобрать мою свободу – я буду защищаться изо всех сил. А чего вы ожидали, ребята? – спрашивал я мысленно своего оппонента, простоватого, озабоченно прищуренного, наблюдающего через свои очки. Чего вы ждали от человека, которого швырнули в каземат просто так, без обвинения? Он никого не убил, не ограбил, не изнасиловал – он всего лишь слишком молод для своих денег. Такой человек станет обороняться. Руками, ногами, зубами и ногтями. Будет рычать, как пес, и постарается ужалить, как змея. Он применит ловкость и использует логику. Такой мобилизует всего себя, чтобы спастись.

Не ждите от меня легкой жизни, не ждите.

4

Оставшись вдвоем, мы с лоером улыбнулись друг другу: я – криво, он – излишне жизнерадостно.

– Как дела?

– В тюрьме сижу, – в тон ответил я.

Рыжий улыбнулся еще раз. Действительно, какие могут быть дела в тюрьме?

Максим Штейн понравился мне с самой первой минуты знакомства. С моей точки зрения, этот умный и довольно решительный молодой человек имел лишь один серьезный недостаток: московскую прописку. Коренной житель десятимиллионной, сытой, чисто выметенной, ярко освещенной, хорошо охраняемой столицы, он не мог до конца понять кроважадной страсти к деньгам и лучшей жизни, испытываемой мною, его подзащитным.

Он с детства жил в богатом европейском городе. Об этом говорил весь его облик. Одежда, манеры и выражение лица. А я приехал из сонного и пыльного провинциального местечка, где основными молодежными развлечениями на протяжении сотен лет считались самогон, мордобой и семечки. Рыжий Максим не был беглецом из захолустья. Он не прибыл в центр государства с сумкой, где две-три пары носков и трусов были переложены двумя-тремя умными книжечками. Он не голодал, не обещал себе, стискивая зубы, сделать все для того, чтобы утвердиться на новом месте.

Глядя на Рыжего, я видел перед собой как бы вариант самого себя – только не бросившего, из-за безденежья, учебу, а спокойно получившего диплом и пошедшего работать по специальности. Если бы пять лет назад я не ушел из университета, то теперь, может быть, продвинулся бы в солидные авторы и тоже одевался бы в такие же, как у рыжего адвоката, неброские, однако совершенно незаношенные костюмчики. Носил бы японские наручные часы и смотрел в будущее с хладнокровным оптимизмом.

Да, в начале девяностых годов, когда я, и шеф Михаил, и еще десять тысяч молодых людей приехали сюда, в столицу, рабочие места для них нашлись; неглупый и отважный пришелец всегда мог, после некоторых ухищрений, найти себе приличную работу. Но платили всегда ежемесячно, неофициально, «черным налом». Этих денег хватало в обрез на то,

чтобы снимать жилье. Вилка установилась сама собой. Как будто хозяева квартир и работодатели сговорились. Хочешь жить в отдельной квартире – отдай ее хозяину все свои деньги. Москва платит, но сразу отбирает всю наличность!

Пришельцы – все, как один, – мечтали вырваться из замкнутого круга. Молодые и бес-
семейные сколачивались в группировки, жили вдвоем или втроем. Семейные, особенно с детьми, – стонали и плакали, но квартирную плату отдавали аккуратно.

А адвоката – он сидел сейчас передо мной, круглощекий, румяный, отлично выбритый, одетый приятно и свежо, и вертел в пальцах удобную авторучку – никогда не мучил вопрос: где взять деньги на жилье? Где? Где? Как достать проклятые двести (позднее триста, четырехста) долларов? Практически мой сверстник – ну, взрослее на три года, так или иначе – одно поколение, – он выглядел как уравновешенное существо с раскованными, чуть ленивыми движениями. Расслабленный. А я – высохший, темнолицый, вымотанный в битвах за выживание, смотрел на него с усмешкой, но и с завистью. Устроившись на ту же зарплату, что и я, он ничего никому не платил за возможность жить в столице. Наличность клал себе в карман. Покупал вкусную еду и красивую одежду. Водил девочек танцевать. Приобретал книги и музыкальные записи.

В это время проживающий здесь же, на соседних улицах, мрачный провинциал Андрей Рубанов, выросший и осознавший себя в деревне Узуново, тощий, костлявый, нервный, скрипел зубами и хватался за любое предложение, сулящее лишний капиталец на кармане. Рисковал, маялся и рвался в любую драку.

Но своих квартирных хозяев кормил исправно.

Все это были бодрые пенсионеры, с автомашинами и дачными участками. Возможно, его, адвоката, родители. Как правило, половину денег эти люди рационально тратили на себя, половину вкладывали в загородные латифундии. И еще подкидывали детям. Не забывая напоминать мне, что я, их жилец, не имею права даже забить в стену их дома гвоздь.

А я кивал, соглашался, лез из кожи вон, дабы внести оплату в срок. И понемногу, год за годом, зверел.

Мой защитник – даже его платочек, желтый, в тон галстуку, элегантно торчащий из нагрудного кармана, казался мне знаком принадлежности к избранной группе стабильных обитателей метрополии – напротив, чувствовал себя нормально. Он не решал сиюминутные задачи, а действовал на перспективу. Он окончил юридический факультет и пошел работать в адвокатскую контору на копеечную зарплату, но с возможностью карьерного роста. И он вырос! Потратил, может быть, десять лет, но поднялся до городской коллегии адвокатов, а тут появилась и серьезная клиентура: такие, как я, как мой компаньон, молодые и злые, социально происходящие из низов, из слоя полунищ или окончательно нищей русской интеллигенции. Жестокие, активные, готовые на риск, на обман и подкуп, на многое – лишь бы иметь золото.

Терпеливо дождавшись, когда дверь за Хватовым плотно закроется, адвокат покачал головой, сделал страшные глаза и прошептал:

– Имей в виду – здесь все прослушивается... Я кивнул. Лоер наклонился еще ближе:

– Что ты делаешь? Зачем его дразнишь? Это стратегически неправильно! Следователь – шестерка, он ничего не решает. Он маленький человек, он нам не нужен. Не трать на него нервы. Расслабься и отдыхай. Наберись терпения...

– Новостей нет? – игнорируя совет, спросил я, тоже шепотом.

Рыжий молча покачал головой.

Я и сам был уверен, что кабинет прослушивается, насквозь. Увидев главный пост управления казенным домом, я понял это чистенькое, хорошо организованное, тихое заведение. Можно не сомневаться – комната прослушивается грамотно, с нескольких точек.

Старыми, угольными микрофонами, сделанными вручную, паяльником. Крепкая техника шестидесятых работает в следственном кабинете Лефортовского замка. Приблизительно в такие же микрофоны Элвис пел «Лав ми тендер», а Мэрилин Монро – «Хэппи бёсдей, мистер президент».

Сейчас подобная аппаратура – прочно спаянные микросхемы, электролампы, толстые провода – продается в магазинах под названием «хай-энд» и стоит огромных денег.

– Есть только от жены, – прошептал Максим и вытащил из портфеля письмо.

Я прочел. На последней из двух страниц Ирма нарисовала, по контуру, руку нашего полугодовалого сына. Младенческую пятерню. Испытанная мною в этот момент душевная боль оказалась так сильна, что кровь устремила к глазам. Если бы я не зажмурился на несколько секунд, из меня бы вышли кровавые слезы. Но – не вышли.

– Принеси мне новости, от Михаила, – одними губами выговорил я.

Адвокат кивнул. При этом вмиг обшарил меня глазами, опустил их и задумался, но тут же вновь посмотрел на меня – доброжелательно и участливо. Не может понять, догадался я, зачем и почему клиент переживает не за себя, а за своего компаньона.

Очень просто: у Михаила Мороза гораздо больше шансов выскочить из рук правосудия целым и невредимым. У меня – нет.

Я делал всю грязную работу. Все нити ведут ко мне. Так было задумано с самого начала. Шеф и босс – неприкосновенен, ибо он умеет делать деньги и делает их. С головы такого умельца не должен упасть ни один волос. Такая постановка дела – чисто азиатская. Самурайская. Ведь Москва – не европейский город. Это огромное монгольское становище. Где каждый смерд ищет себе хозяина и готов биться за него до смерти.

Как только босса Михаила выпустят, он приготовит деньги – а это займет от силы пару дней, – я потребую встречи с папой Зуевым, и он меня отпустит. Это просто. Генерал, который любит кондиционеры, не может не взять деньги!

Да, меня посадили в тюрьму. Но все так и задумано, такой вариант предусмотрен, он обсуждался, есть договоренность о возможных линиях поведения, о том, кто из нас что будет делать в неприятной ситуации. Оба – я и Михаил – мыслили просто и по-деловому: есть лавочка, она приносит большую прибыль, она сделала нас богачами. Это наша священная корова. Наша курица, несущая золотые яички. Это наше все. Они – курица, корова – должны жить любой ценой. Бизнес юбер аллес.

Рыжему адвокату Максиму об этом знать незачем. Да он и не поймет. Он не приехал в этот город из ледяного темного далека, где по ночам воют волки. Он не очень представляет себе, что значит рвануться вверх. Он намерен получить блага жизни, ничем не рискуя. А разве так бывает? Только не здесь, в столице Империи. Только не сейчас, только не со мной.

5

– ...Значит, жалоб нет? – переспросил прокурор по надзору.

Молодежь, как я уже догадался, редко попадала в стены самой строгой политической тюрьмы. И прокурор глядел на меня с большим любопытством.

– Никак нет, – бодро отрапортовал я.

– Заявления? Просьбы?

– Просьба.

– Чего хотите попросить?

– Сигару, ванну и коньяку! Прокурор помолчал, выразив быстрым путешествием зрачков и дрожанием щеки отрицательные эмоции.

– Много хочешь! – грубо ответил он, выставил подбородок и покинул меня, тяжело отталкиваясь поношенными светлыми туфлями от коричневого цементного пола.

Правота осталась за ним. Я печально признался себе в этом, поместил зад на одеяло и уронил голову на руки. А вдруг я действительно слишком многого хочу? А вдруг мне стоило остаться голодным и честным репортером? А вдруг я неправ? А вдруг я плохой человек?

Глава 8

1

С сигарами вот что произошло: в последний раз я мечтал о сигаре за три года до своего ареста.

Весной девяносто третьего года, в теплом, томительно-влажном московском мае, я и мой друг Михаил, благодушно настроенные, физически крепкие начинающие капиталисты (мне – двадцать четыре, ему – двадцать восемь), сидели в припаркованном у тротуара автомобиле и ожидали появления нужного человека. Слушали магнитола. Звучал один из гимнов того бурного времени: «Отель Калифорния» американской группы «Иглз».

«Добро пожаловать в отель „Калифорния“!», – пронзительным тенором выводил солист, особой хрипотцой давая понять, что приглашение адресовано далеко не всем – а лишь самым продвинутым, резким, решительным, рискованным, серьезным, сильным, уверенным, хладнокровным и при этом тонко чувствующим мужчинам. Я и Михаил причисляли себя как раз к таким.

Мы искали офис. Нам требовалось помещение. Комната. С телефоном. С дверью, запирающейся на ключ. Отапливаемая. На умеренном расстоянии от метро. Возник посредник, обещавший подыскать что-то подходящее. Сегодня утром он позвонил. Назвал адрес. Назначил время.

Прибыв на место, мы поняли, что вариант вполне устраивает. Конечно, не калифорнийский отель. Но в общем – то, что надо. Дом – серая бетонная коробка семи этажей – пребывал в собственности некоего научного учреждения. Во времена Совдепии наука необычайно процветала. Советские ученые работали в светлых комнатах с большими окнами. Теперь просторные залы и кабинеты, где так сладостно, наверное, было решать проблемы неорганической химии или ядерной физики, сдавались внаем предпринимателям, чьи умы беспокоили иные вопросы: «поставки» и «недопоставки», «проплаты» и «откаты», «конвертировать» и «расконвертировать», «затаможить» и «растаможить» – вот стандартный набор проблем, ныне мучительно решаемых под высокими потолками бывшего храма науки.

Все подъездные пути к зданию занимали дорогие самодвижущиеся экипажи. В разных направлениях сновали молодые люди в небрежно повязанных галстуках, с озабоченно напряженными лицевыми мускулами. Отсвечивали золотые часы, браслеты, перстни и оправы очков. Здесь же оборотистые представители мелкого уличного бизнеса наладили сопутствующую торговлю: установили табачный киоск.

Прождав час, мы поняли, что ничего не будет – ни посредника, ни помещения.

Деловой этикет в те времена соблюдали не все участники рынка недвижимости, а только работающие с солидной клиентурой. Те, кто искал общества толстосумов. А мы, я и Михаил, не позиционировались как толстосумы. Это, в целом, понятно. Если ты не являешься толстосумом реально, то тебе нет никакого смысла позиционироваться как толстосум.

Все же мы – особенно Михаил – знали вкус денег и умели себя вести, как надо, и одевались вполне прилично.

Однако маклер нас *пробросил*.

В каком-нибудь двухтысячном году этот непорядочный человек, очевидно, позвонил бы на мобильный телефон и как минимум извинился перед клиентами за сорванную сделку. Но тогда, в круто посоленном девяносто третьем, мобильной связью наслаждались только избранные. Толстосумы. А прочие голодранцы, вроде меня и моего друга Михаила, пользовались телефонами-автоматами.

Маклер не пришел.

Я и Михаил недоумевали. Вроде бы на первой встрече с посредником мы все сделали, как надо. Предусмотрели мельчайшие нюансы. Облачились в куртки из грубой свиной кожи и в черные джинсы. Наши скулы играли. Глаза сверкали стальным блеском. Чемоданы типа «дипломат» оттягивали руки. Но посредник, сволочь, опознал-таки в нас начинающих. Небогатых провинциалов. Юных дураков.

Теперь я и мой друг Михаил, сидя в скромном салоне скромного автомобиля, молчали, размышляя, порознь, об одном и том же.

Я чувствовал досаду. Маклер нами пренебрег. Это значило, что сорокалетний дядя с птичьими движениями головы не проникся брутальными элементами моего гардероба: клубным пиджаком, и поясным ремнем с металлическими бляхами по всему периметру, и остроносими, убийственного малинового цвета, ковбойскими сапогами. Барабаня пальцами по облезлому рулевому колесу, я озабочено признался самому себе, что моя дорогостоящая боевая раскраска, еще год назад убеждавшая всякого гражданина в моей абсолютной крутизне, теперь работает плохо. Любой мало-мальски обеспеченный предприниматель, хотя бы и маклер рынка недвижимости, легко умеет опознать во мне практически нищего молодого человека.

Михаил, мой надежный партнер и без пяти минут босс, маялся, как я предполагал, схожими вопросами. В свои двадцать восемь он смотрелся чрезвычайно солидно. Весил едва не сто кило. Разговаривал басом. Повязав элементарный галстук отечественного производства, он уже выглядел большим человеком: как минимум бывшим секретарем областного комитета ВЛКСМ. Если же галстук был из Италии, а пиджак из твида, перед Михаилом прогибался весь мир. Еще не будучи боссом, Михаил уже выглядел как босс. Глядя на него, я постигал удивительную правду отечественной коммерции, да и всякой коммерции вообще: если ты хочешь заделаться хозяином, то первое, с чего тебе следует начинать, – это одеться как хозяин, и так же разговаривать.

Тем не менее впечатляющий твид на плечах Михаила никак не поразил маклера. И маклер не явился на переговоры. Понял, что с Михаила и его приятеля Андрея он не получит приличных комиссионных.

Кстати, Михаил и Андрей и не собирались платить приличных комиссионных. Они предполагали *опрокинуть* маклера. Сразу. Не дать ему вообще ничего. Это просто: нам было достаточно лишь сделать вид, что предлагаемая комната не понравилась, вежливо расстаться с посредником, уехать, но через час – вернуться и заключить договор напрямую с владельцами здания.

Маклер не ошибся. Чутье не подвело его. А Михаил и Андрей теперь проводили время в ожидании, сокрушенно молчали и злились.

– Поехали, – в конце концов произнес Михаил. – Тут ловить нечего.

– Согласен, – ответил я, включил зажигание и принялся выворачивать руль.

Мы, возможно, выругались бы площадными словами, вымещая злобу акустическим способом, – однако вокруг, вторгаясь поверх полуоткрытых оконных стекол, утверждал себя роскошный городской месяц май, и его теплые воздушные массы оведали нас и справа, и слева, лаская щеки, умиротворяя сердца, сообщая благостность душам, снабжая их верой в добро, в любовь, в человечество, пусть оно и состоит частично из недобросовестных посредников рынка недвижимости...

Неожиданно огромный немецкий седан подрезал мое угловатое авто и остановился, грузно осев, в двух метрах впереди. Сверкающее тело городской торпеды покачнулось, распахнулись массивные двери, и на асфальт шагнули двое – в молодых летах и дорогостоящих кафтанах.

Один, огромный, как рефрижератор, выступил из машины с усилием. Он тяжело, в несколько приемов, распрямился, и стало видно, что ширина его тела немногим уступает

его же высоте, шея почти отсутствует, а повыше имеется круглая, наголо бритая голова, украшенная с фронта маленьким лицом Квазимодо.

Второй экземпляр предстал как модернизированная, более приспособляющаяся к обстановке и более быстрая версия первого. Его крепкая фигура, приятные золотые браслеты, спортивные брюки с лампасами, а также плавная походка – не лишенная между тем пружинистости – впечатляли. Но наибольший эффект производила сигара: толстая, светло-коричневая, испускающая обильный дым. В самый момент исхода из кожаных глубин салона спортивный юноша как раз пыхнул ею, и с конца колоссального табачного цилиндра на асфальт обрушилась изрядная доза пепла. Носы у обоих были сплюснены, ушные хрящи переломаны.

Молодые львы приехали по своей надобности. Ко мне и Михаилу никакого отношения не имели. Они совершили опасный дорожный маневр из обычного хамства.

Безусловно, яркие существа не являлись глупцами, они явно понимали, что нарушили не только и не столько правила дорожного движения, сколько неписаный водительский этикет: не будь наглым! Не лезь поперек всех! Поэтому любитель сигар взглянул в нашу сторону и даже слегка дернул шеей, вопросительно: нет ли, мол, претензии? И опять выпустил облако дыма. Его машина стояла в десять раз дороже моей, и он смотрел так, как и положено смотреть молодому льву: с превосходством.

Я в ответ пошевелил головой, шеей и предплечьями, в целом – враждебно. Смысл пантомимы проявился четко: более серьезные ребята помешали гораздо менее серьезным ребятам.

«Квазимодо» и его друг направились к табачному ларьку.

Крайняя унижительность момента прочувствовалась мною и Михаилом очень остро: вокруг нас торжествовала сладкая, как карамель, столичная весна, цокали каблуками девочки в мини, пахло молодой листвой, душа рвалась в синие небеса, – а посреди этого жизненного буйства два кретина с наглыми мордами провоцировали нас на конфликт.

– Давай пробьем им головы, – вдруг решительно предложил Михаил. Его прочная западнославянская шея покраснела. И он даже протянул руку, чтобы открыть дверь.

Я задумался. Мой друг имел разряд по боксу в тяжелом весе. Без сомнения, он легко уложит «Квазимодо» несколькими боковыми в челюсть. А я тем временем померяюсь силами со вторым. Тот выше меня, и штаны у него удобные – но явно наркоман. Руки болтаются, как плети. Дерганные движения. Потому и курит сигару: ему требуется много большая доза яда, нежели рядовому пользователю никотина. Возможно, нас ожидает успех. Но вдруг у них – оружие?

– Это бандиты, – сказал я и тронул с места. Отъезжать из района несостоявшейся драки следует медленно, не теряя достоинства. Полезно даже в последний момент слегка притормозить и обернуться, как бы находясь в сомнении: а может быть, все-таки не стоит прощать обиду? Может быть, вступить в бой? Пусть потенциальный противник понервничает лишние секунды – это и будет если не моральная победа, то как минимум моральная ничья.

– Бандиты? – с вызовом переспросил Михаил. – Ну и что?

– Бандиты есть бандиты, – философски ответил я. – Преступники. Зачем с ними связываться?

– Нет, – возразил Михаил, выпятив квадратный подбородок. – Не так. Брить голову и кататься по городу в краденом «мерседесе» – это не преступление. Это глупость. Тоже мне, преступники! Да я завтра же возьму себе такой «мерседес»! Соберу все свои деньги, немного под займу – и куплю, легко! И цепи золотые, типа, повешу!

И голову побрею. И стану трясти мелких уличных торгашей. Какая в этом доблесть?

– Ты видел его сигару? – спросил я, включая третью передачу.

– А ты видел его штаны? – Михаил заерзал на сиденье. – Дешевый кретин, ведущий дешевый образ жизни! В дорогом автомобиле катается дешевый человек! Когда я таких вижу, меня тошнит!

Мой друг яростно крутанул дверную ручку и грубо плюнул в раскрытое окно.

– Разборки, – выговорил он с отвращением. – Распальцовки. Наезды. Предъявы. И все время они делают такой вид, как будто знают что-то такое, чего я не знаю! Правду сказал Кончаловский: нет хуже зверя, чем человек!

– Он только режиссер фильма, – поправил я. – Он лишь поставил «Поезд-беглец», но финальная цитата принадлежит Шекспиру.

– Какая разница! – зло, с жаром выкрикнул Михаил. – Я говорю о козлах и гадах, а не о Шекспире и Кончаловском! Я говорю о моральном праве. Какое моральное право имеет наглый хам? Никакого! Он может сколько угодно брить голову и гнуть, типа, пальцы, но меня не напугать. Я не связываюсь с таким хамом только потому, что у меня нет времени! Я бы его завалил, на хрен, невзирая на Шекспира! Разворачивай, блин, машину!

Мой друг говорил о наболевшем. И я, и он имели немалый опыт общения с представителями преступного мира. Начинающий коммерсант никогда не избежит встречи с профессиональными вымогателями, более известными как «бандиты». Эти вымогатели подстерегают смельчака в подъезде дома и на дороге. Но в какой-то момент начинающий перестает быть начинающим – он вырастает, арендует офис с охраняемым входом, и бритоголовые хулиганы практически перестают его беспокоить. Михаила, я знал, вывело из равновесия не поведение самодовольного дурака с сигарой, а именно неудача с арендой офиса. Если бы маклер оказался человеком слова, мы, может быть, уже сидели бы в собственной комнате, с высоким потолком и окном до пола, и прикидывали, куда поставить кофеварку и факс.

Но, увы, – мы оба все еще на улице. И вынуждены проглатывать оскорбления ее грубых обитателей.

Отсутствие кабинетика со столом, стулом, компьютером и телефонным аппаратом мучало моего старшего друга. Он постепенно выходил из разряда начинающих. А я – рассчитывал на то, что он вытянет за собой и меня.

Кроме Михаила, друзей в мире бизнеса я не имел.

– Нет, ты видел его сигару? – опять спросил я, желая поднять у друга настроение.

Но Михаил не успокоился.

– У меня высшее образование, – прорычал он. – Типа, диплом! Психолога! У меня расчетный счет в банке! У меня, блин, бизнес! Я в прошлом месяце почти сто тысяч отмыл! Я расширяюсь, офис ищу, не успеваю! Вот – человека нанял! Тебя! Но на «мерседесе» не езжу! Не по чину! Не по Сеньке шапка! А он кто такой? Что у него есть, кроме краденной, типа, машины? Что он знает? Что он умеет?

– Ты – нетолерантен, – сказал я. – И поэтому – фрустрирован.

– Ого! – запальчиво выкрикнул Михаил. – Слышу звонкие термины! А может, я мучаюсь базальными тревогами? Или просто подсознательно угнетен? Или, может быть, впал в состояние эмоциональной анагазии?

Я смолчал.

– Не дави интеллектом, малыш, – наставил меня мой друг. – Иначе однажды впадешь в реактивное состояние. Умничать будешь на бандитских разборках.

– А они ожидают? – быстро поинтересовался я.

– Может быть.

– Тогда лично тебе там лучше не присутствовать.

– Это почему?

– Ты слишком презираешь бандитов.

– Да, это так, – с ненавистью выговорил Михаил. – Они – животные. Существа без мозгов и культуры! Дешевка!

– Санитары общества, – возразил я.

– Сам ты санитар!!

– А чего ты кричишь?

– А чего ты умничаешь?! Я пожал плечами.

– Извини, – пробормотал мой друг после секундного молчания.

Михаил, да, был довольно нервным молодым человеком, мог сказать грубость и даже оскорбить, но, обладая силой воли и довольно хорошим воспитанием, он всегда находил способ быстро овладеть собой.

– Реальные санитары – это мы, – уже более спокойно, тяжелым, низким голосом произнес он. – Когда мы сделаем деньги, мы расчистим и облагородим пространство вокруг себя. Туда не будут допускаться идиоты с золотыми, типа, цепями. Чем больше в обществе богатых, тем оно безопаснее. Зависимость – прямая. Поехали, Андрей, делать деньги! Поехали! Здесь сворачивай. Заскочим к одному интересному парню. Он предлагает, типа, жирный вариант...

– А куда ехать?

– Я покажу. Сейчас – налево. Ты что-нибудь знаешь о финансовом рынке? О банковском бизнесе?

– Почти ничего.

– Узнаешь, – заверил меня Михаил. Его приступ уныния и сплина сменился бешеной активностью. Всякий упрямец, обладатель крепкого характера, воспринимает очередное поражение как повод удвоить усилия на пути к победе.

Я надавил на газ и переложил руль. Двигатель заревел. Колеса взвизгнули.

Так оборвалась цепь последовательных событий, каждое из которых было причиной предыдущего: бандиты самоутвердились за счет меня и Михаила, затем Михаил накричал на меня и самоутвердился за мой счет, а мне пришлось самоутвердиться за счет своего автомобиля.

– Нет, ты видел, какая у него была сигара?!

– Не переживай. Скоро и мы закурим такие же! Нажав клавишу, я прибавил звук, и салон заполнился страстными выкриками американского певца, приглашающего всех, кто неравнодушен, кто смел и силен, в калифорнийский отель.

2

Вечером того дня, когда меня и Михаила оскорбили малолетние уголовники, я купил в дорогом магазине сигару.

В то время я думал, что презираю мечтателей, а уважаю только тех, кто желает – и добивается желаемого. Я отправился в немыслимо дорогой супермаркет и приобрел самую большую, толстую, длинную «Гавану», какую только смог найти. Еще раскошелся на особый металлический пенал. Можно покурить, притушить и убрать в карман, до другого случая. Сигарные окурки пахнут ужасно, но все же не так, как сигаретные.

Оставшихся денег хватило на пачку пельменей и «Сникерс» для жены. Карманы опустели. Зато я получил то, что заострит мой имидж. Придаст вес. Усерьезнит. Без хорошей сигары на финансовом рынке делать нечего.

Глава 9

1

На пятнадцатый день пребывания в одиночной камере я впервые заговорил сам с собой. Сначала шепотом, потом негромко, а вскоре и в полный голос. Собственно, это был не диалог меня «первого» и меня «второго». Иначе я бы понял, что заболеваю шизофренией, что никак не входило в мои планы. Как говорил Сальвадор Дали, вся штука в том, чтобы не сойти с ума. Нет – я стал излагать истории из своей жизни.

Обращаясь к умывальнику, я повествовал:

– Сейчас, дружище, я расскажу тебе о том, на каких машинах я ездил.

Или:

– А теперь я хочу, чтоб ты узнал о моих любимых книгах.

Или:

– Вот послушай, брат, как я поднял свои самые первые деньги.

Далее следовали красочные устные триллеры с указанием множества подробностей – интимных, душераздирающих и небанальных. Естественно, мне приходилось немного сгущать краски и привирать. Герой историй, мой протагонист, – веселый, всегда слегка пьяный, остроязыкий, одетый от «Кензо» Андрюха-нувориш – был немного умнее и удачливее, нежели автор, и каждый раз выходил сухим из воды. Без хэппи-энда нельзя. Настоящую большую достоверность всегда полезно разбавить маленьким вымыслом.

Умывальник помалкивал, но был очень внимателен. Этот полезный эмалированный ковш, прочно приделанный к стене, оказался мною выбран в собеседники по простой причине. Практически все, что меня окружало, имело женский или средний род: стена, полка, койка, решетка, дверь, окно. Я же хотел общаться именно с мужчиной. С другом, что ли. Или с единомышленником. Нас, мужчин, в каземате маялось всего-то пятеро: я, умывальник, чайник, кипятильник и еще матрас. Остальные – подушка, простыня, наволочка, тряпка на полу, полотенце, мыло в мыльнице, зубная щетка – не входили в джентльменский клуб.

Пол и потолок тоже причисляли себя к мужикам. Но мы держали их в кандидатах. Настоящий клуб всегда состоит из действительных членов и кандидатов. Так солиднее. Кандидатам назначают испытательный срок, проверяют – достойны ли? – и только потом, на особом собрании, торжественно переводят в действительные члены.

– Думаю, господа, – провозглашал я после перерыва на обед или ужин, после пары кружек кофе, – что вас не особенно утомила моя болтовня. Продолжим, с вашего позволения.

Аудитория безмолвствовала, но шестым чувством я угадывал, что слушатели, члены и кандидаты, ждут продолжения. Из крана вдруг вытекала медленная капля и деликатно ударяла о металл.

– Ничего, – похохатывал я в середине очередной байки, – скоро я избавлю вас от моего общества. Еще две недели – и все изменится! Моего друга и босса отпустят, и он немедленно вытащит меня. У нас с ним очень много денег, очень много. Мы богатые, ясно? Мы богатые не по местным, российским меркам, а по мировым. Мы богаты по большому счету! На мое спасение будут брошены сотни тысяч долларов! Это не шутка!

Господа молча соглашались: да, не шутка! Не шутка! Сотни тысяч – не шутка, явно.

Вообще нет более терпеливых и благодарных слушателей, чем неодушевленные предметы. Жаль, что они не задают уточняющие вопросы.

Каждые три или четыре минуты возле двери тихо шуршал контролер – отодвигал заслонку и наблюдал, как я расхаживаю по камере, что-то увлеченно бормочу и делаю ораторские жесты. Я не обращал на него специального внимания. Разглагольствовал.

Живописал детали. Добивался точности, легкости, простоты подачи материала. Не лгал, но и не сообщал всей правды. Таково, на мой взгляд, искусство короткого рассказа. Или дачи показаний в кабинете следователя.

2

Вечером в гости к членам клуба приходил визитер, все время один и тот же: генерал Зуев. Произведя небольшое усилие, я легко представлял себе окутанного сигаретным дымом милицейского сановника сидящим визави. Его водянистые глаза всегда смотрели вниз или вбок. Всякий большой начальник глядит в сторону, а не на своего собеседника. Он отягощен хлопотами о судьбах государства, он думает о главном, о важном, об основополагающем. Он не очень интересуется банкирами и прочими жадными современными коммерсантами, попавшими под уголовное следствие. Он согласен меня выслушать – но он спешит, у него много дел, и я понимаю, что свою мысль мне следует излагать ясно и кратко.

– Товарищ генерал! – начинаю я.

Само собой, он мне не «товарищ». Тоже мне, «товарищ» нашелся! Он – генерал МВД, а я – директор подпольной банковской конторы. Нечистый на руку спекулянт. Но служивые люди, чья молодость и зрелость прошли в благословенной Совдепии, необычайно любят такое обращение. Скажи взрослому, седоватому, отягощенному семьей инспектору ГАИ: «товарищ старший лейтенант», и он проникнется к тебе бессознательной любовью. «Господин инспектор» – режет слух. Кодовое слово «товарищ» – оно проще, понятнее, оно устанавливает контакт, напоминает о героическом прошлом. Оно пахнет пылью из-под колес тачанок, и танковой соляжкой, и пропотевшими пилотками, и подвигами, и комиссарами в пыльных шлемах. Это – пароль. И я его назову.

– Товарищ генерал! – скажу я. – Зачем меня посадили? Зачем одиночные камеры, решетки, к чему баланда и прочее? Я что, убийца, бандит, грабитель? Или я маньяк, который исходит слюной, насилая девочек в подворотне? А может, я – террорист? Бородатый боевик, спустившийся с гор, дабы именем Аллаха, мир Ему, палить из подствольного гранатомета? Нет – я скромный труженик! Я работаю по пятнадцать часов! Я нарушал законодательство, я не делился, не платил деньги в кассу Родины, но я исправлюсь. Зачем меня – в тюрьму?

– Я дам вам денег, сколько надо, – продолжу я тихо, возможно – шепотом, глядя в переносицу товарища генерала. – Я дам. Уплачу. Внесу по таксе. Депонирую, где скажете! Я легко расстанусь с кровными, с заработанными, с лично мне дорогими денежными знаками. Только бы уйти из тюрьмы, возвратиться домой. Скажите, сколько и куда, кому, в каком виде, в наличных долларах или безналичных фунтах стерлингов. Только скажите, и все будет сделано...

Генерал думает. Ему интересно.

– Я тебя понял, – отвечает он тихо, но твердо, и произношение фразы таково, что дистанция между им и мной остается прежней, то есть огромной; он – генерал, я – мелкий засранец. – Очень скоро я сообщу тебе свой ответ. Уяснил?

– Так точно.

Генерал медленно тает в воздухе.

Я знаю, что уговорю его обязательно.

3

По вторникам и четвергам меня вызывали на допрос, и тогда моя аудитория качественно менялась: я сочинял уже не для матраса или кипятильника, но для живого и мыслящего существа, следователя Хватова.

Показаний я не давал. Невозмутимый рязанский дядя подшил в ДЕЛО, одну за другой, четыре одинаковые бумажки с четырьмя отказами. За подписью подследственного и его адвоката.

Но вот *без* протокола – в солнечном, пыльном кабинетике Лефортовского замка было сказано много всякого разного. Принцип соблюдался: я размешивал детали, занятные факты и фактики, добавлял анекдот или гэг, а в финале двигал базовую мысль, звучащую как гневный выкрик, адресованный всей Вселенной:

– Как же так вышло, господа, что Андрюха – умный, порядочный парень, энергичный и активный атом общества, муж и отец, солдат, журналист и банкир, не самый последний гражданин – оказался за решеткой? Разве его место здесь?

Чем ближе был конец моего месячного срока, тем громче и мелодраматичнее звучал вопрос. Но никто не давал мне ответа – ни одушевленный следователь, ни железный умывальник.

Только во вторник и четверг я общался с живыми людьми полноценно. Наблюдал реакцию собеседников.

Дважды в неделю. Десять минут – беседа со следователем, затем – столь же краткий разговор с рыжим адвокатом. Полтора часа за пятнадцать дней. В остальное время я имел столько безмолвия и одиночества, сколько мог выдержать, – но уже понимал, что выдержу вряд ли.

В дни, свободные от допросов, мое общение с живым внешним миром сводилось к десятку слов, равномерно падающих в окружающую меня тишину, как падала из крана тяжелая капля на эмалированное тело моего бессловесного друга.

Утро начиналось с глухого слова «подъем». Через час доносилось «чай!» – и я совал в дверную дыру своего второго приятеля, железный чайник, и забирал его обратно, доверху наполненного горячей, прозрачно-коричневой субстанцией, действительно на вкус и запах сильно напоминающей чай. Вскоре дверь с множественными железными звуками открывалась во всю ширину, и в проем вдвигался передний бампер стальной, на маленьких колесиках, тележки – на ней был укреплен жестяной мусорный бачок. За тележкой в дрожащем свете нового дня я, полусонный, различал угрюмую физиономию зека из хозобслуги. Он произносил слово «мусор» или «помойка». Я опрокидывал пластиковую корзинку с отходами моей внутрикамерной жизнедеятельности: несколькими яблочными отрывками и десятком сигаретных окурков.

Потом – «завтрак».

В промежуток между восемь и девять утра дверь снова открывалась, и заходил старший надзиратель – от младших его отличал более демократичный, если не откровенно раздолбайский, внешний вид, а также красная нарукавная повязка с буквами ДПНСИ, что расшифровывалось как «дежурный помощник начальника следственного изолятора».

– Все нормально?

– Все нормально.

И опять я оставался один.

Через час или полтора тишину нарушало слово «прогулка», далее «обед», «ужин», между восемь и девять вечера снова проверка – второй за сутки, и последний, диалог, в виде того же вопроса из четырех звуков и такого же равнодушного ответа. Наконец, в десять следовал финал: «отбой».

Какие-то живые сигналы от живых людей я получал еще в процессе вывода на прогулку («стоим», «лицом к стене», «проходим»), или еженедельного похода в баню, но в общей сложности тюрьма общалась со мной, используя не больше десятка коротких команд.

Радио «Свояк» – именно оно должно было, по мысли устроителей каземата, спасать постояльцев от нервных перегрузок, связанных с одиночеством, – я не мог воспринимать адекватно. По большей части держал громкость на минимуме. Иногда, чтобы развеяться, я рисковал и прибавлял громкость. Пытался честно прослушать кусок какого-нибудь репортажа. Но через несколько минут в ужасе снова крутил ручку против часовой стрелки. Плоско, неталантливо, удручающе вяло звучали передачи некогда всесоюзной радиостанции. Не прошло и десяти лет, как этот вот «Свояк» монопольно вещал на аудиторию в триста тридцать миллионов человек – а теперь обратился в пыльную, до зевоты скучную лавочку...

4

Окно моей камеры выходило на запад. С полудня и до самого вечера солнце даже сквозь матовое двухслойное стекло изрядно нагревало стены, предметы, воздух и меня самого. В безветренные дни становилось по-настоящему жарко. Я ложился спать в одних трусах, ничем не укрываясь.

Но на двадцать первое утро я проснулся очень рано, еще до рассвета, – дрожа от холода. Поспешно завернувшись в простыню, я задремал, но ненадолго. Вскоре температура вновь понизилась. За окном слышался монотонный шум обильного дождя. Я влез под одеяло, согрелся окончательно и проспал до позднего утра. Встал, только когда услышал слово «прогулка».

Дверь уже открывалась, а я еще натягивал штаны; на выходе успел одним быстрым движением открыть кран, зачерпнуть воды и смочить ею отяжелевшие веки.

И только оказавшись в прогулочном дворике и окончательно придя в себя – я увидел и понял, что лето кончилось. Прохладно, свежо было в пространстве. Руки и плечи вмиг озябли. Выщербленный пол покрывали широкие мелкие лужи. Вот и осень. А там и зима, и Новый год!

Если ты молод, здоров, крепок и уверен в себе, то уход очередного веселого лета переживается тобою легко – как мимолетная грусть, как безболезненное дуновение отдаленной тревоги. Однако в эту осень, очередную, свою двадцать восьмую, встреченную столь оригинально, в месте страшном и романтическом, я уныло признался себе – обхватывая ладонями локти, ежась, перешагивая лужи, отражающие ярко-синее небо, как бы продавливающее себя сверху вниз сквозь прутья верхней решетки, – что молодость близится к финалу. Впереди все более и более явно маячит суровая дата, тридцатник. Рубеж! Как я его встречу? Кем? В каком качестве?

Вернувшись с прогулки и посмотрев на членов клуба, ожидающих очередного рассказа о похождениях неуловимого Андрюхи, я понял, что мне надоело развлекать чайники и куски прошитой ваты. Острых сюжетов больше не будет. И настроения тоже.

Что-то идет не так, понял я в первый осенний день. События разворачиваются иначе, нежели я предполагал. Мое молчание на допросах никого не беспокоит. Следовательно равнодушно складывает в папку пустые листы. А ведь я просидел уже две трети своего срока. У них есть только девять дней, чтобы изыскать улики, изобличающие меня в казнокрадстве. Но вместо интенсивного, с пристрастием, дознания, вместо ежедневных многочасовых интеллектуальных баталий, вместо давления, уговоров и угроз – вежливое равнодушие; четыре раунда по десять минут. И это все?

Что-то не так.

Осень хорошо проясняет разум. В жаркие дни голова работает плохо. Потеря влаги, утомляемость – летом мозг не производит хороших идей. Но стоит температуре упасть, давлению – повыситься, а небу – поглубеть, стоит только грусти разлиться в пространстве, как разум населяют четкие и простые догадки: они все уже решили насчет меня.

- Ладно, – вздохнул я. – Хрен с вами, джентльмены! Вот вам еще один рассказик. Матрас и умывальник беззвучно обрадовались.
- Только чур, не перебивать!

Глава 10

Последний раз я общался с существом другого пола за пять часов до ареста.

Расставшись с дорожным инспектором, чей карман отяготило уплаченное мною по таксе, я прикурил новую сигарету, вновь поднялся по Тверской, напротив памятника Маяковскому лихо развернулся – грубо нарушив при этом ПДД и не обращая внимания на ГИБДД – и снова подкатил к тротуару, населенному полуголыми женщинами.

– Вам девушку, да?

– Да, – развязно ответил я. – Девушку.

– Какую желаете? Я выбросил окурочок в окно.

– В смысле? Бандерша устало поморщилась.

– Худенькую? Полненькую? Блондинку? Брюнетку? Постарше? Помоложе?

Я позорно промедлил, не ожидая столь высокого уровня и объема разнообразных предложений от нового для себя рынка нелегальных интимных услуг.

– Нормальную, – наконец сформулировал я и опять закурил.

– Два часа – сто пятьдесят долларов! На всю ночь – триста! Без...

Я небрежно прервал:

– Знаю, без анального секса и садомазо.

– Деньги вперед.

– Как скажешь.

Я вложил в руку «мамки» наличные, мгновенно изученные и прощупанные проворными пальцами. Они канули в полумрак. От большой группы держащихся вместе девочек, после небольшого консилиума, в мою сторону решительной, почти нахальной походкой направилось юное существо в забавных шортиках, туго обтягивающих скудную попку. Шея, впрочем, была хороша, а улыбка обаятельна.

Преодолевая неловкость, я толкнул изнутри дверь.

– Добрый вечер, – культурно сказала девушка, мгновенно заполнив салон машины сильным запахом приторных духов. – Я Нина.

– Привет, – сказал я. – А ты неправильно садишься в автомобиль.

– А как правильно? – спросила временная подруга.

Вряд ли ей было больше двадцати. Разглядев девчонку внимательнее, я тут же решил, что ни о каком платном совокуплении не может быть и речи. На левом, ближнем ко мне, худеньком бедре жрицы любви хорошо различался обширный синяк, а на шее отчетливо пламенела свежая яркая царапина.

Происхождение этих царапин и других следов насилия всем известно. Так сутенеры, при помощи кулака и ножа, держат в подчинении свой трудовой коллектив.

– Надо сначала опустить на сиденье попу, – я скабрезно ухмыльнулся, – а потом повернуться на ней влево, одновременно занося в проем двери голову и согнутые ноги.

– Жуть! А я как сделала?

– А ты полезла в машину, как в берлогу. Сначала голова, потом ноги, и только потом остальные части тела.

– Интересно. А куда мы едем?

– Никуда, – ответил я. – Покатаемся, поболтаем и все. Больше мне ничего от тебя не надо. Клянусь.

Она не удивилась.

– О чем будем говорить?

– О чем хочешь.

– Ты очень напряженный.

– Я всегда такой.

– Тебе что, не с кем пообщаться?

– Наоборот.

– А ты женат?

– Да. Пять лет.

– Жуть! Не надоела тебе жена?

– Как только мне надоест моя жена, я пушу себе пулю в лоб.

Жрица немзыкально расхохоталась.

– Извини, конечно, но я это слышала от многих. Все так говорят. Женам. И себе.

А потом бегут покупать девочку.

– Лично я сделал это в первый раз. Временная подруга недоверчиво посмотрела на меня круглыми, жирно накрашенными глазами.

– Жуть! Ты в первый раз купил женщину?

– Да.

– Не может быть!

– Почему это тебя удивляет?

– Ну, – она пожала плечами. – Такой солидный мужчина, и машина крутая...

Ты мне явно льстишь, подумал я. А то я себя в зеркале не видел. Там отражается все что угодно, только не солидность. В волшебном стекле последнее время я наблюдаю бледно-сизую, опухшую, в целом малосимпатичную морду. Фиолетовые мешки под мутными глазами. И тонкую, едва не дистрофическую шею, раздраженную торопливым бритьем. И коричневые дряблые веки, под которые дважды в день закапывается визин. И зубы, желтые от кофе и непрерывного курения. И больные углы маленького кривоватого рта. И длинные глубокие складки вдоль крыльев носа.

Увы, но, несмотря на огромные доходы, внешне я до сих пор похож не на уважаемого яппи, а на того, кем являюсь на самом деле, – на дешевого охотника из провинции.

Употребляя сильный термин «охотник», я имею в виду таких людей, которые по молодости и горячности натуры непрерывно желают всего и сразу. Их цель – немедленно, сей момент, разбогатеть. У них внимательные глаза с постоянно бегающими зрачками. Щеки впалые, шеи тонкие, плечи худые. Одеты часто под бандитов. Обожают черный цвет.

Жажда денег гонит их вперед. Они пытаются, они терпят, они прилагают усилия. Иногда у них что-то получается.

Выражение на лицах охотников очень серьезное, часто откровенно мрачное. Углы губ опущены. Общая картина подталкивает к выводу: малый направляется то ли на похороны, то ли на сходняк братвы. Или сразу на оба мероприятия. Хотя в действительности я собрался в детский садик, за сыном, а оттуда в продуктовый магазин...

– По твоему, – спросил я, снова делая правый поворот на набережную, – все солидные мужчины покупают девочек?

– Все, – звонко ответила девчонка. – Нет таких, которые имеют деньги и не попробовали хотя бы раз.

– Я знаю массу богатых людей, которые вообще не изменяют женам.

Жрица посмотрела на меня и улыбнулась.

– Какой ты глупый, жуть! Да это они только так говорят, что не изменяют! Рекламу себе делают. А на самом деле используют любой удобный момент. Мужики же все – скрытные! И вруны притом. Они такого наплетут – жуть!

– Да, – с вызовом сказал я. – Самцы все хитрые. Без хитрости мамонта не завалишь. Нельзя не уметь врать в наше беспокойное время.

– Да из вас вруны – никакие! – рассмеялась девчонка. – Буквально! Вот он вечером в пятницу ко мне на хорошей машине приезжает, золотая цепочка и все такое, и пальцы гнет.

А днем на крышу шашечки приделает – и таксует... Как двести долларов натаксует – сразу ко мне едет. Снимает шашечки – и к Светочке...

– А Светочка – это кто?

– Я, а что?

– Ты же вроде сказала, что ты Нина.

– А для него – Света, – спокойно поправились девчонка. – А какая, блин, разница? Меня обманывают, и я обманываю...

Мы помолчали.

Ночная Москва хороша и прихотлива. Днем или же вечером выходного дня, шагая пешком по самому ее центру, можно принять сумму фасадов, ярких витрин и опрятных тротуаров за нечто вполне европейское. По ночам же, через ветровое стекло автомобиля, этот город открывает свое истинное лицо. Он огромен, весь плавно изогнут, застроен очень богато, но хаотично. Щедро залит электрическим светом – и тут же опрокинут в непроглядный мрак. Все просторно, все немного криво – Азия, господа! Будь я проклят, если это не Азия.

– Не печалься, – бодро провозгласил я в сторону своей взгрустнувшей собеседницы, – в моем бизнесе все в точности так же. Один деятель приезжает в гости, кофе попить, на «мерседесе» за сто тысяч. В конце разговора – занимает пятьдесят долларов. Через две недели аккуратно возвращает. Опять кофе, поболтали, то, се. Через месяц – занимает сто. Отдает. Так продолжается полтора года. Таких, как я, у него человек двадцать, он объезжает всех по кругу, и этим живет. Тоже думает, что он самый хитрый...

– А у меня однажды такое было – жуть... один мой знакомый со мной трое суток провел. Хороший дядька, добрый, не козел. Потом рассказывал, как пришел к жене, после трехдневного загула, пьяный, из карманов презервативы падают и фишки из казино. Знаешь, что жене сказал?

– И что же?

– Что его похитили бандиты, а потом специально напоили и натолкали в карманы всякой дряни, чтобы жена не поверила... Жуть! Жена причем унюхала мои духи, а он ей – это, мол, все бандиты, это они меня женскими духами облили! А она ему – да такие духи слишком дорого стоят, чтобы бандиты их покупали! А он – эти бандиты крутые, и денег у них много... Жуть! И она его –пустила! Поверила в этот бред! В такой тупой обман! И в милицию звонить не стала. Во какая жуть бывает! А ты говоришь – женам не изменять...

– Мои клиенты, – признался я, – не лучше твоих. Один приезжает за своими деньгами исключительно на метро, в старом спортивном костюме и драных кедиках, а в руке – авоська, знаешь, такая, образца семидесятых годов, набитая доверху старыми газетами, и между этими газетами он прячет пачки денег. И в таком виде едет к себе. А сам, между прочим, хозяин большого супермаркета...

– Жуть! А у моей близкой подруги есть очень богатый и культурный клиент, так он, представь себе, кончает только в том случае, если его в самый решительный момент изо всех сил, с размаху, ударить по голой заднице горячей курицей-гриль...

– Где же, – изумился я, – они берут курицу-гриль? В решительный момент?

– Покупают заранее, а потом разогревают в микроволновке.

– Это круто, – улыбнулся я. – А другой мой клиент, тоже, кстати, богатый и культурный, однажды явился получать свои пятьдесят тысяч долларов вместе со своей сестрой, а в сестре – килограммов сто живого веса, если не больше! И в объёме – метра полтора... Я ему все отсчитал, а он мне говорит: извини, но не мог бы ты выйти на минуту? Я так понял, что они все пятьдесят штук, пять пачек по сто листов, загрузили прямо в ее бюстгальтер...

– Жуть! А еще один мой клиент... Я вдруг протрезвел и обнаружил, что вместо того, чтобы мирно спать в супружеской постели, катаю по ночному городу уличную женщину, и презрение к самому себе пронзило душу, словно страшный меч.

– А про меня, – перебил я, – ты тоже будешь другим дуракам рассказывать что-нибудь смешное?

– Нет, – обиделась девчонка. – Я же не всем рассказываю... Если человек приличный, я с ним тоже прилично... А если какой-нибудь бандит попадается, то с ним особо и не поговоришь...

– Много попадается?

– Кого? Бандитов?

– Да.

– Много, – вздохнула девчонка. – Очень. Просто жуть, как много. Они же сюда, в столицу, со всей страны сползаются... – Она стиснула тонкие руки. – Животные... Ненавижу...

– Вот и мой босс так же говорит. Он презирает эту публику.

– А ты?

– А я – нормально. По мне, лучше быть бандитом, злым, но действующим, чем превращаться в жирного обывателя и гнить перед телевизором с бутылкой пива...

– Ты ошибаешься, – сказала девчонка. – Не лучше.

– Это лично мое мнение. Может быть, когда-нибудь я его изменю...

– А еще, ты зря сравнил моих клиентов и твоих. Ты на асфальте не работаешь. Ты в банке сидишь, в мягком кресле. Глупо сравнивать.

– Не завидуй, – поучительно сказал я. – Это только снаружи все красиво. Банк, машина за двадцать тысяч, часы за три, костюм за две... А внутри все то же самое. И гопников в моем бизнесе тоже хватает. Ты, извини за прямоту, продаешь одно место на своем теле, а я продал сразу и тело, и душу, и все остальное. Один раз проданся – но в комплекте. В одном флаконе...

– Все равно, богатым быть здорово.

– Ага. Первые два месяца. Потом привыкаешь. И тупо тянешь ляжку.

– Тогда почему ты не бросишь свою работу, не займешься чем-нибудь более приятным?

– Бросить? – изумился я. – Это невозможно. Это – как тюрьма... Где тебя посадить?

– А у тебя есть еще пятнадцать минут?

– Да.

– Тогда отвези меня на то же место, откуда меня взял, хорошо?

– Там везде посты стоят, а я пьяный.

– Дашь денег...

Я полностью потерял интерес и к беседе, и к собеседнице.

– Уже дал. Больше не хочу. Хватит. И так сегодня крупно потратился. Я им каждый божий день даю денег. И этому конца не видать. Я же говорю, как в тюрьме...

Сильно потеряв ладонями отекающую морду, наш ловец мамонта полез в карман.

– Я лучше... это... сейчас тебе дам немного, вот столько...

Он потащил из пачки купюру, или три, верхняя надорвалась, девчонка посмотрела на нее с сожалением, а на него с жалостью. Охулятор бросил бумажки на голые колени своей спутницы.

– Заплати дураку с шашечками. Он тебя доставит куда надо.

– Ну, тогда пока! – очень мило произнесла Нина, она же Света. – Спасибо за приятный вечер!

Я кивнул, не глядя, в очередной раз прикурил и уехал – крутой, как пар из паровоза. Паровозы, как известно, давно устарели: они производят много шума, но мало тяги. Низкий коэффициент полезного действия. Одни понты, короче.

Через пять часов после этого разговора я оказался в настоящей тюрьме и понял, что зря уподобил золотую тюрьму и каменную. Парадокс вышел чересчур легковесным.

И я опять собирался дать денег. Чтобы они от меня отстали. Вернули из своей глупой тюрьмы в мою. Такую же.

Глава 11

1

На двадцать восьмой день я услышал новую, доселе незнакомую команду.

– Фамилия?

– Рубанов!

– По сезону! – донеслось из разверстой дверной пасти.

– Что?

– По сезону! Я вскочил с матраса и подбежал к «кормушке».

– Это как? Контролер снисходительно улыбнулся.

– На выезд, – терпеливо объяснил он. – Вас – вывезут. Возьмите одежду для улицы, понятно?

– Нет, – ответил я. – Куда вывезут? Зачем вывезут? Испуг вышел поистине заячий.

– Там скажут.

– Где?

– Там, куда вывезут. Собирайтесь. Десять минут!

Торопливо натягивая кроссовки, я испытывал недоумение, переродившееся в тревогу и далее – в страх. Какой «выезд»? Какой «сезон»? Куда? Зачем? Почему ничего не сказали по-человечески? Что с собой брать? Вернусь ли я в эту камеру, и вообще в эту тюрьму? А вдруг впереди – воля? А вдруг могущественный босс Михаил предпринял какие-то радикальные действия для того, чтобы решить мою участь? Проклятая неизвестность! Вот пытка из пыток! Не знать, что с тобой произойдет через час – это ли не подлинное мучение?

Уютный джентльменский клуб прекратил существование. Мирок, умозрительно собранный по кирпичику, разрушился. Лопнул. Со звоном посыпались жалкие осколки. Я должен повиноваться чьей-то грозной воле. Я – никто. Себе не принадлежу. Ничего не решаю. Моя жизнь находится в чужих руках.

Долго вели по полутемным лестницам и коридорам. Вдруг я оказался в той же части здания, с которой и началось мое знакомство с лефортовским казематом: в коротком коридорчике с десятком дверей. Две или три из них были приоткрыты. Некоторое время я просидел в том же боксе, где четыре недели назад тюремные клерки изучали мой задний проход. Затем меня снова вывели, только вместо шуплого вертухая перед собой я увидел двухметрового вояку в новом пятнистом хаки и черной маске. Огромные ладони лелеяли короткоствольный автомат. У бедра маячил пистолет в кобуре. Воин громко сопел носом.

Рядом с ним возник второй, легковооруженный; этот жестом фокусника извлек наручники, ловко пристегнул мою руку к своей и без лишних слов потащил вперед. Автоматчик, бряцая, затопал следом.

Открылась дверь. В лицо ударил солнечный свет. Шагнув, я обонял свежайший воздух и увидел в трех метрах от себя открытую дверь угловатого броневи́ка. Ровно гудел работающий мотор. В нос ударил забытый запах выхлопных газов. Справа и слева стояли, прочно расставив ноги, еще два воина, вооруженные до зубов. Через прорези в масках на меня смотрели, не мигая, напряженные глаза. Большие пальцы лежали на рукоятках автоматных затворов. Стволы мне понравились – абсолютно новые, что называется, «в масле», АКСУ со складными прикладами. Если сегодня я буду застрелен, то из лучшего в мире оружия.

– Пошел!

Твердая ладонь сильно уперлась мне в затылок, и одновременно вторая, столь же крепкая, заломила предплечье, и я не вошел и не влез, но нырнул, устремляясь лбом, в полумрак автозeka – первого в своей жизни.

Микроавтобус оказался столь же комфортабельным, как и сама тюрьма. Воздух кондиционировался. На стальном полу лежали опрятные резиновые коврики. Половину пространства занимали две стальные конуры – метр на полтора. Каждая закрывалась отдельной тяжелой дверью. Одета по краям в черную толстую мягкую резину, эта дверь задвинулась за мной с глухим стуком. Я очутился в тишине и полумраке. Встать в конуре было нельзя, вытянуть ноги – тоже.

Тронулись.

Куда везут? Убивать? Мучать? Расстреливать? Отбирать все деньги? Отпускать на свободу с извинениями?

Ехали недолго, но медленно, часто притормаживая. Тело бронированного минивэна подрагивало. Спустя примерно час добрались. Конуру открыли, легковооруженный снова сковал мое и свое запястья и потянул меня прочь из утробы фургона.

Я спрыгнул на теплый тротуар и оказался посреди улицы. Неожиданно пришло острое ощущение неправильности окружающего пространства – оно ощутилось как чрезмерно большое. В панике я срочно поискал глазами привычные близкие стены, но не обнаружил. Потолок тоже отсутствовал – вместо него всем своим бескрайним объемом на меня стало стремительно падать пронзительное небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.